

Олег Шовкуненко

СЕЗОН ОГНЕННЫХ ДОЖДЕЙ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

16+

Олег Шовкуненко

Сезон огненных дождей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43650263

SelfPub; 2019

Аннотация

Сражение на орбите Воларда завершилась вничью. Смертельные враги рухнули на пустынную, забытую богом планету. Они изранены и обессилены, но все еще живы, а значит, жестокая кровавая битва вскипит вновь. Кто победит в ней? Многотысячный, оснащенный самой современной боевой техникой гарнизон огромной космической станции или разрозненные плохо вооруженные группки повстанцев? Казалось бы, ответ очевиден. Однако существует одно "но". Повстанцев ведут в бой нестигаемые, закаленные в сражениях "Головорезы". Дизайн обложки: издательство "ЭКСМО", 2010 г.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	8
Глава 2	34
Глава 3	47
Глава 4	61
Глава 5	74
Глава 6	94
Глава 7	109
Глава 8	125
Глава 9	141
Глава 10	161
Глава 11	175
Конец ознакомительного фрагмента.	183

ПРОЛОГ

Тяжелые створки примитивных абсолютно негерметичных дверей, изготовленные из непрочного органического материала, который люди называют древесиной, медленно расползлись в стороны. За ними открылся обширный сводчатый зал, освещенный десятками голубоватых плазменных ламп. Как и полагалось, в этом море света 120-го брата ожидали всемогущие Боги.

Морунг много слышал о них, но даже в самой смелой из просчитанных им моделей личного эго-будущего не надеялся лицезреть воочию. Поддавшись фанатичному восторгу, граничащему с суеверным страхом, он упал на колени.

– Мы видим, что ты уже освоился со своим новым телом? – один из Богов, сидящий в самом центре сверкающего белизной дугообразного стола, жестом предложил своему верноподданному слуге подняться. – Подойди поближе.

Сделав несколько шагов, морунг оказался в центре огромной подковы, из-за которой словно строгие экзаменаторы на него смотрели одиннадцать одинаковых безликих существ. Маски цвета ртути надежно защищали их от назойливых любопытствующих взглядов, придавая этим созданиям величественный загадочный облик, такой, как и подобал великим и мудрым Богам. Однако, работающий быстрее компьютера мозг 120-го брата сразу заметил некоторое несоответ-

ствие. Богов было одиннадцать, хотя каждый морунг с момента своей первой загрузки помнил легенду о двенадцати верных служителях Великого пророчества.

– Ты не ответил на вопрос, – суровый голос Бога заставил морунга позабыть о колебаниях и подозрениях. – Готово ли твое новое тело к работе?

– Адаптация практически окончена, – холодный разум 120-го брата незамедлительно отреагировал на поставленный вопрос. – Сращивание с мозгом носителя прошло на восемьдесят три процента. Этого вполне достаточно, чтобы я взял под контроль память, сознание, рефлекторные и моторные функции человеческого организма. Из всего этого следует, что 120-й может выполнить любую поставленную задачу.

– Отставить! – коренастый Бог, сидевший по правую руку от своего председательствующего коллеги, весь подался вперед. – Ты находишься в человеческом теле, поэтому окружающие будут воспринимать тебя как человека. А значит, отныне ты никакой не 120-й. Отныне ты полковник Военно-Космических Сил Ванда Гриффитц. Тебе это понятно?

– Так точно! – покопавшись в воспоминаниях полковника Гриффитц, морунг отыскал правильный вариант ответа.

– То-то же, – крепыш в сверкающей маске удовлетворенно откинулся на спинку кресла и уже с меньшим жаром, чисто в протокольном тоне, поинтересовался. – Есть какие-нибудь жалобы, пожелания, предложения?

Прежде чем ответить, 120-й взял паузу. Он как настоящая электронно-вычислительная машина протестировал свои органы и ячейки памяти. Все функционировало нормально. Можно было доложить о полной готовности, если бы не одна мелочь.

– Семнадцать процентов памяти полковника Грифитц остаются недоступными для считывания. Этот сектор либо заблокирован, либо полностью стерт.

Замечание морунга вызвало некоторое замешательство среди Богов. Какое-то время они обменивались быстрыми взглядами и многозначительными кивками. Конец пантомиме положил властный голос председателя:

– Оставь попытки взломать этот сектор. Он все равно пуст. Полковник Грифитц была ранена нашими врагами. Именно поэтому часть ее мозга оказалась разрушенной. Пользуйся теми данными, которые содержатся в нормально функционирующих зонах.

Морунг моментально выполнил полученный приказ. Контакты с поврежденным участком человеческого мозга были прерваны, ссылки переадресованы, а восстановительная программа отключена. Как только дававшие сбой файлы закрылись, 120-й почувствовал себя значительно уверенней. Теперь он и впрямь был готов свернуть горы.

– Возьмешь четыре эскадрильи «Вампиров» и полсотни охотников. Прочешешь весь экваториальный континент. – Боги больше не хотели тратить время на пустую болтовню, а

поэтому перешли к главному. – Возможно кому-то из экипажа «Новой Невады» удалось спастись. Найди их и уничтожь. Уничтожь всех до единого. Исполни!

Задание получено, оно понятно и однозначно, а значит, к выполнению следует приступить незамедлительно. Ванда Грифитц ответила «Есть», козырнула и, повернувшись на каблуках, направилась к выходу. Она больше не реагировала на весь остальной окружающий мир. Высокоприоритетный приказ «убей!» делал полковника глухой и слепой служительницей Великого пророчества. Даже слова, сказанные прямо у нее за спиной, не заставили женщину вздрогнуть. Один из Богов спросил у председателя:

– А что будет, когда Грифитц встретит ЕГО?

Председатель ответил не задумываясь, причем с полным равнодушием в голосе:

– Ее миссия будет выполнена и скорее всего, нам придется о ней позабыть. У морунгов кишка тонка, тягаться с НИМ. С дьяволом может совладать только дьявол.

Глава 1

Ультрамарин небес казался невероятно плотным и насыщенным. Взметнувшись над волнами алых барханов, он словно накрыл их куполом исполинского шатра. Наверняка именно поэтому, глядя ввысь, Великий Мастер никак не мог отделаться от ощущения, что перед его глазами не высокая кристально чистая атмосфера Воларда, а выкрашенный синей краской потолок. Ассоциация, бесспорно, грубовата и значительно принижает первозданные красоты пустынной планеты, но Мастеру от нее стало легче. Желание сорвать синтезатор дыхательной смеси и полной грудью вдохнуть убийственный кислород сразу куда-то испарилось. Даже наоборот. В душе заскреблись подлые кошки, безжалостно напоминая, что жизнь Мастера полностью зависит от нехитрого устройства, которое и днем, и ночью стряпает для него живительный дыхательный коктейль в точности имитирующий атмосферу далекой мрачной Агавы. И будь он хоть трижды великим, но все равно не успеет ничего сделать, если аппарат вдруг выкинет какой-нибудь фортель.

Как бы желая убедиться, что пока все в норме, Мастер сделал глубокий вдох. Порядок! Клапаны привычно завибрировали, а в легкие потек свежее приготовленный сернистый газ.

Ну, вот и чудесно! Великий Мастер пинком отправил в

небытие мерзкий призрак удушья, после чего попробовал сосредоточиться лишь на работе. Ведь, в конце концов, его жизнь в равной степени зависит не только от дыхательной маски, но и от того, как быстро удастся высвободить спасательную шлюпку из песчаного плена. А загрузла она, как говорится, по самые уши. И это им еще повезло! Это самый благополучный исход «увлекательнейшей» аварийной посадки!

Мастер вспомнил те леденящие душу бесконечные мгновения, когда поперхнулся и здох главный тормозной двигатель. И это всего, в каких-то восьмистах метрах от поверхности! Спасло, что Марк вовремя среагировал и врубил маневровики на один сверхфорсажный импульс. Естественно, сжег все химическое топливо! Зато удалось перевести неуправляемое беспорядочное падение в крутое пикирование. А дальше уже от пилота ничего не зависело. Как говорится привет шахтерам. Впрочем, как оказалось, к шахтерам не в этот раз. Конечно, первый удар потряс своей силой и заставил людей вопить от страха, прощаясь с жизнью... Но, как не странно, шлюпка выдержала. Скорее всего, в ее конструкции имелись какие-то сокрытые от неискушенных пассажиров секреты, что-то наподобие силовой подушки. Ну а может просто, в который раз, повезло. Как бы там ни было, но раскаленный дымящийся диск так и запрыгал по красным барханам, точ в точ как камень, брошенный по воде умелой рукой. Мир перед глазами перестал кувыркаться, лишь, ко-

гда они влетели в этот злосчастный бархан.

«Насладившись» воспоминаниями о недавней посадки, Мастер тяжело вздохнул и критически оглядел спасательный модуль. Двадцатиметровая летающая тарелка ушла в недра песчаной горы более чем наполовину. Угол к поверхности, под которым она торчала, составлял никак не мене пятидесяти градусов. Спускаемый аппарат сейчас смахивал на огромную старую сковородку. Отслужившая свой век, позабытая и позаброшенная она сиротливо торчала из груды песка, вздыбив к солнцу помятый обгоревший бок. Ничего не напоминало о том, что еще вчера модуль ослепительно сверкал отполированным серебристым металлом. Безжалостная атмосфера Воларда за считанные минуты густо расписала его пепельно-черным гримом, который наносился отнюдь не мягкой кисточкой, а скорее совковой лопатой. Лохмотья окислы покрыли гладкий металл, делая его похожим на серый грязный гранит.

О-хо-хо, хреново! Очень даже хреново! Мастер завершил любоваться внешними эстетическими изысками и сосредоточился на технической стороне дела. В нынешнем наклонном положении автоматические блокировки не дадут ходовым тракам выйти наружу. Значит единственный выход – копать. Выбрать пару тон песка из-под брюха, и машина осядет. Вот тогда-то и высвободится ходовая часть, вот тогда-то спускаемый аппарат и превратится в планетоход. Амортизаторы довольно мощные – справятся. Они довершат рабо-

ту и выдернут шлюпку на свет божий. Эх, знать бы только, сколько кристаллической крупы предстоит перекидать! Вдруг двумя-тремя тоннами дело не ограничится, и придется пыхтеть несколько дней. Только вот вопрос: есть ли у них эти несколько дней?

– Ну, что, отдохнули? – Мастер цепким взглядом оценил сидящих рядом лейтенанта Марка Грабовского и рядового Георга Шредера.

– Помилосердствуй, – взмолился Марк. – Еще хоть пять минут. – Лейтенант подул на свои изъеденные кровавыми мозолями ладони и в сердцах выругался. – Черт знает что! Вселенная вокруг так и кишит передовыми сврхтехнологичми, а мы падем тут, как первобытные люди. – Командир разведвзвода с ненавистью пнул лежавшую у его ног лопату.

– Для этой паршивой планетенки и лопата – это самая что ни на есть передовая технология, – заметил Шредер. Солдат с тоской окинул взглядом красную пустыню и, кряхтя, поднялся на ноги. – Эх, ладно... Как говорится раньше начнем, раньше закончим.

– Погоди, Георг, – Великий Мастер перехватил черенок лопаты. – Сходи внутрь, подсоби Яну и Луизе. Чего они там капаются?

Когда широкая спина баварца скрылась в люке, Мастер повернулся к своему другу:

– Дай сюда руки. Попробую чуток подлечить.

– А ты и это умеешь? – Во взгляде Грабовского проскольз-

нуло если не восхищение, то уж точно уважение. Однако через секунду он сощурил свои красивые серые глаза. – Специально отправил Шредера, чтобы не выставить меня белоручкой из высшего общества?

– Давай руки, умник, – Мастер пропустил гипотезу друга мимо ушей. – Не знаю, получится или нет, дерматологией я еще не занимался. Но попытка, как говорится, не пытка.

Мастер накрыл ладони Грабовского своими мощными пятернями, зажмурился и попытался сосредоточиться. Это оказалось не просто. В башке с невероятной настойчивостью все всплывал и всплывал последний виденный кадр. Руки Марка. Обычные человеческие руки – белые, жилистые с паутинкой выдувающихся синеватых вен. А рядом его собственные руки – сухая жесткая кожа цвета нечищенной бронзы и острые трехдюймовые, словно звериные когти. Разительный контраст! Даже не скажешь, что оба они люди, рожденные на матушке Земле. Люди? Мастер горько ухмыльнулся собственной наглости. Он все еще продолжает причислять себя к человеческому роду и цепляется за воспоминания как за спасительную соломинку. А все вокруг подыгрывают, делая вид, что ничего не произошло, стараются показать ему, что он такой как и прежде.

– Ну, все, полегчало уже, – Марк разорвал рукопожатие.

– Ты уверен? – Великий Мастер с сомнением уставился на друга. – Я вроде как еще ничего и не сделал.

– Уверен. – Грабовский встал и с подозрением покосился

на распахнутый входной люк спасательной шлюпки. – Идем. Работать надо. А то сидим, тут, взявшись за руки... ну прямо как два педика.

– Ах, вот в чем дело! – Мастер не удержался и зашелся тихим смешком, который клапаны синтезатора дыхательной смеси тут же усилили, превратив в хриплый лай. – Боишься, что бы памятуя о нашей старой дружбе, личный состав не заподозрил чего недоброго?

– Они знают нас как облупленных, так что тут я спокоен. Однако, согласись, вид у нас был дурацкий.

– Может быть, – продолжая посмеиваться, Мастер поднялся на ноги. – Черт побери, ну где же эти бездельники. Неужели тюк с маскировочной сетью так тяжел, что с ним нельзя справиться даже втроем?

– Уверен, что нам вообще нужна сеть?

– Уверен. Морунги уже где-то совсем ря...

Мастер не успел договорить. Он вздрогнул всем телом, и словно защищаясь от прогремевшего невдалеке взрыва, прикрыл голову руками. Но это не взрыв, это крик. Сознание великого воина съежилось от душераздирающих воплей, безжалостно ворвавшихся в его мозг. Кричал не человек, кричал харририанин. Где-то там, далеко на северо-востоке. Три сотни километров отделяло Мастера от места трагедии, но даже это расстояние не могло приглушить весь ужас, заключенный в паническом вопле. Что происходит?! Тайна оставалась тайной всего лишь мгновение. Незримый мысленный

контакт позволил великому воину взглянуть на Волард глазами несчастного инопланетянина. Абориген Агавы не видел ни синего неба, ни алых барханов. В его огромных зрачках жила лишь стая черных реактивных птиц, извергающих с небес на землю потоки смертоносного огня.

Видение оказалось столь реалистичным, что подтолкнуло Мастера к немедленным действиям. Боевые инстинкты сработали безотказно. В следующее мгновение тело воина сжалось словно пружина, готовое ответить на любую опасность. От напряжения он глубоко дышал, а пылающие синим радиоактивным огнем глаза метались по горизонту в поисках врага.

– Что происходит?! – Марк Грабовский тут же среагировал на рывок друга. Перекинув из-за спины свой автоматический FAMAS-G3, лейтенант попытался поймать в прицел неведомую цель.

– Одной из наших шлюпок уже нет. Морунги прикончили семерых харририан из числа инженерной команды. – Холодный разум обуздал эмоции, Мастер расслабился.

– Дьявольщина! – от злости разведчик взмахнул бесполезной сейчас винтовкой, как будто это был средневековый ятаган янычара. – Обнаружив один из спасательных модулей, они начнут искать и остальные. А там, того и гляди, доберутся до базового лагеря, оставленного «Призраком».

– Вижу, тебя не очень огорчила смерть харририан, – Мастер укоризненно поглядел на Грабовского.

– Конечно, огорчила... – лейтенант пожал плечами. – Но война...

Великий воин словно не услышал слов друга:

– Пятеро из них мои старые верные товарищи. Вместе налаживали жизнь в разоренном Ульфе, вместе захватывали «Новую Неваду», а два дня назад они плечом к плечу с нами сражались на орудийных палубах.

Мастер умолк. На него штормовой волной накатили видения последнего боя. Нестерпимый жар разгорающегося пожара. Сиплый лай безостановочно палящих излучателей. Смерд расплавленного пластика и испепеленной живой плоти. Красный пульсирующий свет аварийных ламп и сотни, обезумевших от страха теней, мечущихся в узких коридорах гибнущего звездолета.

– Э, ты чего? – Грабовский толкнул друга в плече, возвращая к действительности.

– Жалко... не уберег.

– Если я скажу, что ничего не возможно было сделать, ты успокоишься? – разведчик до отказа наспиговал свой голос металлом. – Война!

Слова Грабовского произвели должный эффект, Великий мастер встрепенулся:

– Черт побери, где же эти бездельники?

Ответом командиру стал увесистый серый тюк, выпавший из перекошенного входного люка. Коснувшись алого песка, мешок стал быстро желтеть, затем взялся рыжими, словно

ржавыми пятнами и под конец зарделся пунцовыми разводами. За всеми этими метаморфозами с любопытством наблюдали три физиономии, высунувшиеся из-за толстого стального косяка.

– Ну что тут скажешь... Как дети малые, – обернувшись к Грабовскому, Мастер иронично хмыкнул. – Словно в первый раз видят адаптивный камуфляж.

– Эй, засранцы, а ну, за работу! Или я живо надеру ваши неповоротливые жирные задницы! – После стандартного монолога гниды-сержанта, лейтенант покосился на Мастера. – Я не очень загнул, там все-таки Луиза.

Наблюдая за тем, как солдаты прыгают вниз, Мастер улыбнулся:

– Сейчас Луиза такой же член нашей команды, как и все остальные. Хотя уверен, что «жирную задницу» она тебе вряд ли просто так простит.

Невольно Мастер загляделся на Луизу. Ее грациозная фигурка колоритно выделялась на фоне двух громил-десантников. Жара заставила девушку стянуть с себя верхнюю часть синего летнего комбинезона. Завязав рукава на талии, Луиза осталась в коротенькой белой майке, которая плотно облегла небольшую упругую грудь.

Мастер прекрасно помнил ее тело: копна слегка вьющихся каштановых волос разметалась по точеной шее и хрупким плечам, тонкая талия, нежные почти детские руки. Именно такие видения ночи напролет будоражили его мысли и бере-

дили сладкие желания весь этот бесконечно долгий год разлуки.

Однако все, намертво въевшиеся в мозг воспоминания, теперь следовало выкинуть на помойку. Луиза изменилась. На ее теле проступили первые, пока еще плавные волны быстро растущих мышц, а кожа стала приобретать неестественный смуглый оттенок. Он прекрасно знал эту, отличную от человеческой, фактуру тела и помнил этот отливающий темной бронзой цвет. Боже мой! Мастер покачнулся, будто оступившись. Неужели изменения продолжаются и Луизу ждет...

Она подбежала и, не обращая внимания на присутствие солдат, торопливо обняла своего возлюбленного. Девушка походила на маленького перепуганного воробья, ищущего укрытия и защиты во время свирепой бури. Она с силой прижалась к твердой как сталь груди. Это было все равно, что обнимать каменную скалу. Ни тепла, ни трепета живого тела. Толстый костный нагрудник, скрытый под камуфлированной тканью, больно впился в нежное женское тело. Но Луиза даже не подала виду. Для нее это было самое уютное и безопасное прибежище в мире.

Девушка молчала, и Мастер понял, что с ней что-то происходит. Надо бы спросить, но слова почему-то не лезли в глотку. Ему просто захотелось взять ее на руки успокоить, укачать как маленького ребенка. И в самом деле, он уже начал приподнимать Луизу над багровым песком, когда вне-

запно ощутил на себе взгляд Грабовского. Великий Мастер медленно опустил свою возлюбленную на землю. Его смутили не чувства, которые они с Луизой опрометчиво выставили напоказ и не присутствие посторонних. Дело было совсем в другом. В глазах Марка читалось сочувствие, основательно сдобренное приправой из боли и жалости. А вот это совсем лишнее! Это никуда не годится! Он великий воин и не нуждается ни в жалости, ни в сочувствии, как не нуждался в них, когда был человеком.

– Морунги уже рядом. Они только что убили семерых наших. – Эти слова не походили на слова любви, но Мастер должен был их произнести. Он как бы оправдывал свою сдержанность и холодность.

– Я почувствовала это. – Луиза всхлипнула носом. – Мне привиделся маленький сторбленный харририанин. Он умирал от ожогов и звал меня на помощь.

– Его звали Накдин, – только и смог выдавить из себя Мастер.

В груди воина бушевал неистовый водоворот чувств и страстей. Боль утраты перемешивалась с нежностью и любовью, а ужас перед мутациями, грозящими Луизе, вызывал гнев как на себя самого, так и на весь обезумевший от войны мир. Кружась в этом смерче, Мастер окончательно потерялся. Почему он? За что именно ему достался этот тяжкий крест? Спаситель галактики и безжалостный убийца, бог и дьявол, герой и чудовище – и это все он! Не много ли для

одной жизни, для одного простого смертного?

Мастер покрепче прижал к себе Луизу. Теперь уже он жаждал защиты и спасения... защиты и спасения от самого себя. Потеряв душевное равновесие, великий воин почувствовал как его поглощает другой мир. Темный и холодный, он затягивал в себя, пробуждал ненависть и нестерпимое желание мстить и убивать. Стоп! Что это с ним? Ведь это все не его мысли, не его жажда крови. Мазохист хренов, так глубоко зарылся в свое ненаглядное «Я», что чуть не спровоцировал врага!

– Звено «Вампиров» заходит с востока! Через семь минут они зацепят нас радаром!

Луиза ойкнула и съежилась в комочек. Мастер снова услышал вопль заживо сгорающего харририанина. Только на этот раз умирал он не в реальном мире, умирал он в воспоминаниях девушки. Однако, успокаивать, врачевать и утешать некогда. Действовать! Немедленно действовать!

– Сеть на крышу! – Мастер резко, но вместе с тем мягко отстранил свою возлюбленную и кинулся на помощь к Шредеру и Микульскому.

– Не успеем! – заорал Грабовский, видя как десантники едва передвигают ноги, по колено утопая в кроваво-красном песке.

Успеем, не успеем... в жопу любые колебания! Делай! Не пробуй, не пытайся и не сомневайся, а точно и уверенно делай то, что задумал! И получится! Должно получиться! Ни

может не получиться! Твоя воля, твой разум и твоя решимость, они и есть залог успеха. Мастер накрепко усвоил это правило, будучи еще мальчишкой. Если хочешь словить назойливую муху, не стоит корчить из себя коварного охотника, просто метни вперед руку и цепко схвати. Если всерьез решил расплющить недругу пятачину, не думай о премудростях конг-фу, а преврати свой кулак в свинцовую кувалду и бей. Если жаждешь победить в забеге, отрешись от окружающей действительности и превратись в скорость... чистую скорость!

Последний совет оказался как нельзя кстати. Мастер, что было сил, рванулся вперед. Первое же его движение погрузило весь окружающий мир на дно клейкого и тягучего океана. И это даже не замедленное кино, это полный временной коллапс, в котором Грабовский вот уже целую вечность пытается стащить с плеча свою автоматическую винтовку, Луиза никак не может опустить протянутые в след за Мастером руки, а оба десантника тщетно тужатся сделать один единственный шаг.

Но вот им удалось! Шаг сделан! Однако, Великий Мастер успел сделать гораздо больше. Заклятье неподвижности не коснулось его. Он по-прежнему неудержим и молниеносен. Промчавшись две дюжины шагов, он яростно вцепился в толстые пластиковые ремни, надежно стягивающие тюк с маскировочной сетью. На какой-то миг Мастер задержал взгляд на алой ткани, по которой то и дело пробегали огнен-

но-рыжие всплески. Ничего не скажешь, зловещий рисуночек! Великий воин попытался не думать о море бушующей плазмы, грозящей с минуты на минуту обрушиться на их головы. Делай! Неумолимый приказ стучал в висках. Делай, черт тебя побори!

– Отпустите тюк! – гаркнул он на опешивших солдат.

Словно испугавшись окрика, время вырвалось из комы и, ускорив бег, возвратилось в свое привычное русло. Получив свободу, Микульский шарахнулся в сторону, как будто увидел самого дьявола. Шредер юркнул под прикрытия тюка, не иначе стараясь спрятаться от яростного взгляда горящих синих глаз. Болваны! Страшно не сейчас, страшно станет, когда в небе взревет двигатели атакующих «Вампиров».

Мастер действовал будто по наитию. Он ничего не обдумывал и не просчитывал. Может потому, что просто нет времени, а может потому, что чутье великого воина подсказывало – другого выхода нет. Повинуясь внутреннему приказу, Мастер рванул тюк с маскировочной сетью. Тело сработало как одна огромная пружина. Сперва ноги затем спина, плечи и руки. Вся неистовая мощь сверхсущества, рожденного в недрах мрачной Агавы, оказалась вложенной в этот бросок.

– А-а-а!

Неожиданный вопль заставил Мастера вздрогнуть. Что случилось? Неужели соперничая с гравитацией Воларда, он ненароком зашиб одного из своих верных сотоварищей? Кто кричал? Шредер! Мастер почувал ужас пронзивший сознание

баварца. Подобно струям неистового ливня, этот шквал обрушивался сверху. Шредер словно вознесся на небеса. Хотя, скорее всего, так оно и есть. Вот почему тук показался таким тяжелым.

Сощуриив глаза, Мастер наблюдал как по крутой параболе сверток, похожий на здоровенную красную луковицу, падал на наклоненную крышу спасательной шлюпки. Следом, словно истребитель, пристроившийся в хвост противнику, пикировал Шредер. В последний момент бывалый десантник сумел сориентироваться и правильно сгруппироваться. Он упал точно на сеть, ударившись о металл лишь носками своих тяжелых космических ботинок.

Раз волей судьбы Шредера уже забросило наверх, у Мастера отпала всякая необходимость карабкаться туда самому.

– Георг, ты в порядке?

Ответом Мастеру послужило нечленораздельное мычание.

– Георг, очнись, не время корчить из себя контуженого дебила.

– Да живой я, – наконец донесся хриплый голос сверху.

– Хорошо, что живой, – Мастер от души порадовался за солдата, но свое ликование воплотил в четкий отрывистый приказ. – Займись установкой сети, живо!

Чтобы ускорить мыслительный процесс в заторможенном мозгу баварца, Мастер послал в его сознание картинку, изоб-

ражающую блок управления сетью.

– Активируй систему. Задай округлую форму периметра и несущий каркас в виде конуса. Затем нажми зеленую кнопку «Распаковка».

– Меня опять куда-нибудь зашвырнет, – Шредер продемонстрировал первые проблески возрождающегося разума. – Я зацепился. Засело намертво. Быстро не распутать.

– Если не выполнишь приказ, останешься без головы. Причем не один ты, а и все мы. Флаеры морунгов на подлете. Пять минуты до контакта. Так что, рядовой, засунь свой страх в жопу и выполняй приказ!

Что ни говори, а чувство долга крепко-накрепко вбивалось в головы легионеров. Твоя собственная безопасность – ничто, если на кону жизни твоих товарищей. Поэтому Мастер совсем не удивился, когда над головой послышался громкий хлопок и волны алой струящейся ткани заколыхались в небе, словно там расцвел исполинский огненный цветок.

Сотканная из тончайших световолоконных нитей, камуфляжная система «Хамелеон-ХТ», которую по старинке продолжали именовать маскировочной сетью, накрыла планетоход огромным непроницаемым шатром. Под защитой оказалась не только машина, но и весь склон песчаного бархана. Теоретически сеть гарантировала четвертый уровень защиты, включающий в себя: жесткий самозакрепляющийся каркас, адаптивный камуфляж под окраску окружающей мест-

ности, поглощение электромагнитных волн, теплового излучения, гашение радиационного фона. Все эти замечательные свойства давали «головорезам» шанс. Но кто знает, какова чувствительность поискового оборудования вражеских «Вампиров»? Мастер не хотел рисковать, а поэтому, управившись с сетью, задумался над прочими демаскирующими факторами.

Удача, что они еще не запустили атомный двигатель. Так что проблемой, пожалуй, оставалась лишь управляющая электроника. Значит, долой электронику! Отдав себе этот приказ, он ринулся к люку спасательной шлюпки. На бегу великий воин попытался выяснить судьбу своего героического товарища:

«Георг, ты где?» – мысленный призыв отправился на поиски Шредера.

«Я здесь, командир, – баварец на карачках вполз под трепещущий, гудящий на ветру багровый полог. – Хорошо, что на мне боевой комбинезон. Бандажирование включилось вовремя. Кости, кажется, целы».

Повезло, что целы, – подумал Мастер и тут же переключился на выполнение своей задачи. Секунды щелкали с невероятной скоростью, и он уже почти физически ощущал, как по соседним барханам шарят невидимые цепкие пальцы радаров.

Быстрее внутрь! Работающая аппаратура – единственное, что они смогут засечь, или даже не засечь, а скорее почув-

ствовать. Да, именно почувствовать, ведь боевые флаеры пилотируют ни кто-нибудь, а проклятые морунги!

Пара гигантских скачков и Мастер влетел в шлюпку. Вставший на дыбы пол, не позволял передвигаться нормальным привычным шагом и великий воин превратился в паука, цепляющегося за ряды антиперегрузочных кресел. Не мудрено, что Луиза с Микульским так долго не могли извлечь тюк с маскировочной сетью.

Внутри пассажирского отсека горело лишь тусклое дежурное освещение. В его неясном свете в глаза сразу бросился центральный пульт управления, расцветенный мозаикой из светящихся шкал и сигнальных огоньков. В их палитре преобладали тревожные багровые тона, сигнализирующие об аварийном состоянии машины. Больше всего раздражала неустанно мигающая надпись: «Внимание, опасный крен на правый борт!»

И без тебя знаю дубина стоеросовая! Мастер, недолго думая, протянул руку к панели управления энергетикой и заглушил бортовой генератор. Сделано! Центральный пульт издал сдавленный стон и тут же скоропостижно скончался.

Все, теперь их не засекут. Вроде бы можно вздохнуть с облегчением, но... Мастер несколько бесконечно долгих мгновений угрюмо глядел на умершую электронику. В самой глубине его мозга зарождалась смелая идея. С каждой секундой она становилась все более четкой и ясной, пока, наконец, не превратилась в план со всеми тонкостями и деталями. Как

только этот миг настал, Мастер хищно осклабился и громко сказал самому себе:

– Черт побери, если получится... тогда мы победили, тогда мы короли!

– О чем это ты? – Марк Грабовский тенью возник за спиной друга.

– Хватай скафандр и пулей наружу! – Мастер пинком отправил разведчика к нише, в которой висел один единственный косморемонтный костюм. – И шевелись, ты! У нас всего три минуты!

Грабовскому не нужно было повторять дважды. Мастер знает, что говорит и что делает. Подскочив к нише, он с бульдожьей хваткой вцепился в неуклюжие космические доспехи и тут же поволок их наружу.

«Ты молодец, Марк! – Мастер одобрительно кивнул в спину разведчику. – Теперь мой черед».

Проведя ладонью по мертвому электронному оборудованию, он сразу обнаружил то, что искал. В конденсаторах управляющего блока системы жизнеобеспечения все еще блуждала энергия. Электромагнитное поле прибора словно репьях цеплялось за собственное биоактивное поле Мастера, мелко щекотало и робко пыталось исказить его. Прекрасно! То, что нужно! Одним ударом великий воин вскрыл пластиковую панель. Дотянувшись до батареи конденсаторов, он вцепился в нее своей когтистой пятерней. Рывок... и дюжина искрящихся хрустальных шариков густо оплетенных паути-

ной проводов оказался с мясом вырванным из тела машины. Часть дела сделано, а теперь живо наружу!

И снова мир поразил диковинный вирус неподвижности, прививка от которого была лишь у Великого Мастера. Он настиг Грабовского за самым порогом модуля. Лейтенант пытался спрыгнуть вниз. Вот именно, что пытался! Оттолкнувшись от края люка, он так и завис в воздухе. А, впрочем, нет. Краем глаза великий воин засек движение. Марк все-таки падал, но только в сравнении с ним самая наилегчайшая пылинка, когда-либо упавшая на Волард, показалась бы настоящей пулей.

Мастер не стал любоваться эффектным стоп-кадром. Время напрочь отказывалось записаться в союзники. В отношении «Головорезов» оно предпочитало лишь одну единственную форму общения – яростную, сумасшедшую гонку. Великий воин принял вызов.

Словно огромную ценность Мастер прижал к груди батарею конденсаторов и ринулся вон из спасательного модуля. Пронесясь мимо Грабовского, он вырвал из неподвижных рук друга защитный скафандр. Белая металоткань будет хорошо заметна на алом склоне – это мысль промелькнула в мозгу, как только под ногами заскрипел крупный кристаллический песок. Прекрасно, еще один фактор позволяющий засечь скафандр с воздуха. Однако главное успеть! Одним ударом своей мощной когтистой руки Мастер пропорол все защитные слои, проделав в спине скафандра небольшую ды-

ру. Не мешкая, он сунул туда вырванный из приборной панели блок. Встряхнув скафандр, великий воин постарался, что бы батарея конденсаторов провалилась как можно глубже, лучше даже если она засядет где-нибудь в широкой штанине.

Кукла оказалась готовой точно в тот самый момент, когда Мастер добрался до края маскировочной сети. Последний этап – разместить приманку так, что бы неистовый удар плазмы вызвал небольшое землетрясение в непосредственной близости от планетохода, но не сплавил маскировочную сеть. Задача не из простых. Кто его знает, как будут заходить «Вампиры» для атаки. Можно только предположить, но гарантии... Как говаривал отец, гарантии дает только «Сбербанк». Ладно! Авось повезет! Упав на брюхо, Мастер выскользнул из-под прикрытия красного полога.

– Как у тебя это получилось? – Грабовский говорил вполголоса, словно они лежали на передовой, в считанных метрах от вражеских окопов.

– Что именно? – Мастер ответил другу не поворачивая головы. Он сосредоточенно смотрел вверх, словно «Хамелеон-ХТ» была прозрачной и ничуть не заслоняла небо.

– Как тебе удастся так двигаться? – Марк зыркнул в том же направлении, но, не увидев ничего кроме плотной красной ткани, опустил глаза. – Ты был практически невидим, одна невесомая молниеносная тень, мелькнувшая как призрак из

потустороннего мира.

– Нет, до потустороннего мира я пока не добрался, – Мастер горько ухмыльнулся. – Но кто его знает, может это следующий шаг в моей эволюции? Открою тебе тайну. Я продолжаю изменяться.

– Продолжаешь изменяться? – не удержался от возгласа Марк.

– Тише, ты!

Мастер покосился на Луизу. Девушка в нескольких шагах от них осваивала специальность сестры милосердия. Она старательно наклеивала регенерирующий пластырь на разбитую бровь Георга Шредера. Пластырь категорически отказывался клеиться к мокрой от крови и пота коже, но корсиканка не сдавалась. Скрипя зубами и чертыхаясь она пробовала снова и снова.

– Не хочу, чтобы Луиза знала, – теперь уже Мастер понизил голос. – Она еще не привыкла и вот к этому. – Он как бы невзначай коснулся костных пластин на своем лице и металлопласта дыхательной маски.

– Но Источник Жизни далеко. Излучения здесь нет.

– Не важно. Толчок сделан. ДНК перестроены. Теперь мой организм верно и уверенно приводится в соответствие с новым генетическим кодом. – Мастер на секунду задумался. – Кстати, движение, о котором ты спрашивал это и есть один из внезапно открывшихся талантов. Такой трюк у меня стал выходить лишь совсем недавно.

– Я бы сказал, что это сверхъестественно, – разведчик вперил взгляд в пустоту, копаясь в воспоминаниях. – Ник, сам-то ты как это объясняешь?

– Честно? – Мастер хитро сощурился.

– Ну, по возможности.

– Если честно, то хрен его знает. Когда ускоряешься, впечатление такое, что тело распадается на атомы, а затем собирается заново в пяти-шести метрах впереди. Не успел сложиться, как снова распад, новые пять-шесть метров и новое воскрешение.

– Похоже на телепорта...

Лейтенант не успел договорить. Он так и застыл с открытым ртом, так как великий воин резко вскинул вверх руку, приказывая другу живо заткнуться.

– Тихо! Вот они!

Вой четырех флаеров идущих на бреющем полете, заполнил все окружающее пространство. Вибрации воздуха казались зримыми и осязаемыми. Они забивались в карманы и за пазуху, сбивали дыхание и мерзко колотили по нервам. А, может, это никакие не вибрации, а страх? Обычный человеческий страх? Мастер обвел взглядом своих товарищей. Все они, съездившись, сидели на красном песке и с каменными лицами смотрели вверх. Каждый пытался представить, что творится там, с другой стороны маскировочной сети. Каждый задавал себе вопрос: «Прав ли командир? Может сейчас они никчемно и тупо дожидаются смерти?»

– Ник, а ты уверен, что морунги заметят скафандр? – Грабовский с трудом выдавил из себя вопрос.

– Уже заметили, – Мастер прислушался к шепоту голов, наполняющему энергетическую ауру высоко в небе. – Их сканеры засекли энергию батареи конденсаторов, которую я успел запихнуть внутрь.

– И что они собираются делать? Стрелять или не дай бог вызовут десант?

– Я хорошо изучил морунгов. Они звереют только лишь от одного нашего вида. Великое Пророчество так плотно засело в их кремниевых мозгах, что вопроса убивать или не убивать просто не существует. Ответ всегда один – смерть.

Упоминание о морунгах заставило Мастера вспомнить этих диковинных созданий. Первый раз они повстречались там... на мрачной, разоренной войной Агаве. Одурманенные липовым Великим Пророчеством морунги сеяли смерть среди беспомощных, беззащитных харририан. Казалось нет и не будет силы способной остановить их. Черные алмазные звезды, внутри которых поселился холодный бескомпромиссный разум бессердечных машин, посылали на бой орды своих невидимых газообразных сородичей. И те убивали, крушили, рвали на куски всех представителей органического мира, которых только могли отыскать. Эта бойня могла продолжаться бесконечно, не случись невероятное. Источник Жизни – та самая сила, что породила злобных морунгов... он же создал и существо, которому стало суждено их остановить.

Так на свет появился Великий Мастер.

Мысли великого воина оборвала новая волна свиста и грохота. Звено крылатых боевых машин развернулось и вторично прошло над ними, только на этот раз гораздо ниже. Не беда, «Хамелеон» идеально имитировал бархан и гасил все те крохи энергии, которые планетоход все-таки излучал. А значит, беспокоится не о чем... Пока не о чем.

– Чего ж они тянут, не стреляют? – Грабовский, прислушался к удаляющемуся гулу.

От разведчика так и перло нервозностью и тревогой. Мастер уже давно ждал, когда же Марк взорвется терзавшим его вопросом.

– Слушай, Ник, а может ты зря все это затеял? – в конце концов, Грабовский не выдержал. – Ну, копали бы себе, как и раньше. Понимаю что долго, зато безопасно и результат гарантирован. А теперь что? Вот долбанут по нам из плазмометов. Возьмут чуток в сторону да повыше, чем ты рассчитывал, и все... всем кранты.

– Копать, говоришь... – Мастер сверкнул горящими глазами. Только от одного этого взгляда у разведчика по спине побежали мурашки. – И сколько бы мы копали? День, два, три? Да за это время «Архангел» так расширит зону своего контроля, что даже мышь не проскочит. – Мастер взял себя в руки, и от гнева не осталось и следа. – И еще одно. Подумай, подкапывая шлюпку, мы все время играем с огнем. Она может осесть нам на головы, и из этой могилы уже никто и ни-

когда не выкарабкается. Но если все получится, если взрыв действительно высвободит машину, тогда победа! Тогда уже через час мы сможем запустить реактор, а через полтора – двинуться в путь.

– Хорошо бы. – Марк вымученно улыбнулся. – Может помолимся, что ли?

– Вообще-то я атеист, – Мастер жестом подозвал к себе Луизу, и когда та подбежала, крепко прижал ее к себе. – Ну, а ты, если хочешь, молись. Только советую делать это поскорее, и лучше как страус – уткнув башку в песок. А то наши «друзья» уже легли на боевой курс.

Марк едва успел бухнуться лицом вниз. Мгновение спустя Землю сотрясла страшная ударная волна, вслед за которой с неба обрушился нестерпимый жар. Вдыхая раскаленный, пахнущий гарью воздух, Грабовский действительно молился. Молился, чтобы у морунгов не дрогнула рука... ну, или что там, у этих гнусных тварей.

Глава 2

Сержант Дэниан Смит угрюмо цедил противное теплое пиво. Холодильники не работали. Да что там холодильники, энергии едва хватало для систем жизнеобеспечения. После того как корабль мятежников протаранил главную энергетическую станцию, и Амарилло рухнул на эту забытую богом планету, космический город из высокотехнологического дива превратился чуть ли не в доисторическое пещерное поселение. Ну, скажите на милость, на кой хрен сдались все достижения научно-технического прогресса, если поблизости не оказалось ни одной функционирующей розетки, в которую эти самые достижения можно было бы воткнуть.

– Сержант, – голос прозвучал чуть ли не возле самого уха.

Не понятно. Насколько Смит помнил, в баре он был один, если конечно не считать официанта, который за тускло освещенной стойкой пытался оттереть стаканы от основательно засохших потеков. Медленно, как человек, знающий себе цену, Дэниан обернулся. Ага, сразу все стало понятно. В шаге от него стояла та самая сладкая парочка – капитан и этот молокосос в черном, непонятного покроя, то ли лыжном, то ли водолазном костюме. Смит слышал, что оба они вчера прибыли из зоны «А». От подобных гостей у сержанта всегда пробегал мороз по коже. Не хорошее место эта зона, и люди, приходящие оттуда тоже какие-то бездушные и холодные.

– Слушаю вас, господин капитан, – Смит поднялся со стула и уставился в колючие немигающие глаза цвета ржавого металла. Одновременно с этим он силился вспомнить фамилию офицера, ведь полковник Коуэн предупреждал о нем.

– Хочу с вами поговорить, – капитан говорил только от своего имени, как будто белобрысый голубоглазый юнец, стоявший позади него, просто не существовал.

Норингтон! Капитан Джеймс Норингтон – имя наконец всплыло в памяти сержанта.

– Я в вашем распоряжении, сер. Нам было приказано оказывать вам всяческое содействие.

Это верно, приказ был, только вот мало кто горел желанием пообщаться с офицером из контрразведки, а уж Дэниан Смит, точно, в самую последнюю очередь. И на это имелись некоторые причины.

– Мы можем поговорить здесь? – капитан цепким взглядом окинул помещение офицерского бара.

– Почему нет? – Про себя Смит облегченно вздохнул. Фух, пронесло. Тему, которой он побаивался, обычно обсуждают в другом месте и далеко не дружеским тоном.

– Расскажите о побеге приговоренных к смерти преступников, который произошел 27 июня в зоне вашей ответственности.

Твою мать... все-таки не пронесло! Холод со шкуры стал быстро заглубляться в самую душу.

– Я изложил все в рапорте, – Дэниан постарался, чтобы

его голос продолжал звучать уверенно, как у человека, не чувствующего за собой вины.

– Рапорт я читал, – Норингтон плюхнулся на стул и жестом предложил сержанту сесть напротив, – Однако меня больше интересует то, что не вошло в рапорт.

– Что вы имеете в виду? – седушка под жопой стала не уютней электрического стула.

– Вы, Смит, опытный солдат, прошли спецподготовку по программе «Патриот». Как случилось, что эти пленные два раза ускользали от вас?

Дэниан оторопел. Откуда капитану стало известно о первом инциденте? Ведь о той потасовке в лифте вроде как забыли, и никто ни разу о ней не вспоминал.

Контрразведчик словно прочел мысли сержанта:

– Как один, скованный наручниками человек, смог справиться с четырьмя конвоирами, вооруженными спецсредствами?

Смит не знал ответа на этот вопрос. Он тупо уставился в белую глянцевую поверхность стола и процедил сквозь плотно сжатые зубы:

– Все произошло слишком быстро, а главное неожиданно. Мы не могли предположить, что заключенный окажется столь безрассудным, чтобы кинуться на нас. Мы были не готовы, сэр.

– Можете рассказать поподробней?

– Что поподробней?

– Да все. Меня интересует каждая мелочь, которую вы вспомните об этих людях, – капитан Норингтон оговорился, но тут же исправился. – Хотя, насколько мне известно, в числе пленных были не только люди.

Смит не спешил с рассказом. Он все никак не мог смекнуть к чему вся эта душеспасительная беседа за кружкой пива. Если виноват – наказывайте, если нет...

– Успокойтесь, сержант, – капитан оказался отменным физиономистом. – Никто не собирается вас наказывать, по крайней мере, сейчас, когда мы ощущаем острый дефицит в опытных квалифицированных кадрах. Я пришел всего лишь за информацией.

Тучи над головой Смита, бесспорно, все еще клубились, однако гром так и не грянул. Осознав это, морской пехотинец восстановил способность трезво размышлять:

– Старшим у них был поляк. Звали его, кажется, Микульский. Это он прессовал нас в лифте. Здоровый как шкаф.

– Можете его описать поподробней? – капитан закинул ногу на ногу и внимательно уставился на Смита.

– К чему это вам? – Сержант удивленно округлил глаза. – В архиве есть фотографии каждого из них.

– От вас, милейший, требуются не советы, а быстрое и точное выполнение моих приказов!

Контрразведчик рявкнул так, что у бармена от неожиданности выпал из рук стакан. Норингтон покосился в сторону барной стойки и произнес самым вкрадчивым тоном, от ко-

торого любому обитателю Амарилло только подозревающему с кем он имеет дело, сразу захочется забиться в самую далекую и узкую щель:

– А ты, дружок, отправляйся, пожалуй на кухню. Если кто из посетителей заглянет, мы тебя обязательно кликнем.

Норингтон подождал пока смысл слов дойдет до мозгов толстенького низкорослого выходца из латинской Америки. Не дошло.

– Пошел вон, я сказал!

Вот теперь дошло. Бармен пулей кинулся к выходу.

– Возвращаемся к прерванному разговору, – капитан вновь был спокоен как удав. – Сержант, сделайте то, о чем вас просят. По возможности точно, четко, а главное старательно. Итак, внешность рядового Яна Мкульского.

– Виноват, господин капитан, – Смит решил не беречь лихо пока оно тихо. – Значит так. Русые волосы, очень коротко стриженные. Прямой нос с легкой горбинкой. Подбородок с ямочкой, бабам такие нравятся. Широкая славянская рожа, покрытая щетиной соломенного цвета. – Тут Смит затравленно улыбнулся. – Извините, господин капитан, бритым Мкульского видать не доводилось. Даже не могу представить, как бы он выглядел на строевом смотре.

Норингтон прежде чем ответить покосился на своего молодого спутника. Сделал он это с таким видом, словно юноша был вовсе и не человеком, а так... каким-нибудь прибором. И судя по всему, работа этого прибора капитана вполне

удовлетворила.

– Дальше, только со всеми подробностями. Представьте Микульского как живого. Как он двигается, говорит, улыбается?

– Двигается?

Смиту пришло в голову, что видел он «головореза» всего в двух ипостасях. Когда тот едва живой от побоев, еле передвигал ноги и когда, превратившись в зверя, крушил все на своем пути. Наверняка капитана интересовал именно второй случай.

– Двигался Микульский легко и быстро как кошка. Ни одного лишнего выпада. Ловит противника на ошибках. Уклоняется, причем уклоняется так, чтобы оказаться прямо напротив твоего самого незащищенного места, а затем бьет. Бьет так, что мама родная! Если не вырубись сразу, то в нокауте проваляешься не одну и не две минуты.

Смиту вспомнился летящий в лицо здоровенный космический башмак. Он как огромная планета заслоняет собой половину неба. Ну а во второй половине ясным солнышком сияет свирепая ухмылка Микульского. Нет, про эту гадкую ухмылку он ничего не будет говорить капитану. Он даже не будет о ней вспоминать...

От неприятных видений сержанта отвлекло легкое движение. Белобрысый юнец коснулся плеча Норингтона и кивнул. Капитан ответил ему таким же заговорщическим кивком. Как только пантомима закончилась, спецгент из зоны

«А» вновь взялся за Смита:

– Следующий. Опишите других.

– Еще один «головорез»... не помню имени, кажется испанец. Да, точно испанец, черноволосый и смуглый. Красавчик такой, ему бы жиголом работать, а он, дурак, в армию поперся. Значительно моложе Микульского, но точно такой же здоровяк. И где их только вербуют в Легион?

– Портрет!

– Дайте вспомнить, – Смит напрягал память.

– Не нужно, – первый раз за все время разговора подал голос юноша. Был он тихий, мягкий, обволакивающий. Таким даже если напрячься, в жизни не гаркнешь «Слушаюсь, сэр!» или «Никак нет, сэр!». Короче, штатский голосок маленькиного сынка.

– Я понял, Тэрри, – Норингтон не удостоил компаньона даже взгляда. – Кто там у нас следующий?

– Все, люди закончились.

Сержант на всякий случай загрузил в память имя молоко-соса. Тэрри-Тэрри... – какое-то собачье имечко.

– Опишите инопланетян.

– Это легко. Такие рожи долго не забываются. – Смит стал загибать пальцы. – Первый, это пилот истребителя, как его в черта... фалиец.

– Фалиец нас не интересует. Его нашли с дыркой во лбу. Убегая, они не имели возможности его похоронить. «Головорезы» спрятали тело в подвале одной из церквей на окра-

ине города.

– Отлетался, гад! Я бы его сам...

– Дальше, – Капитан прервал злорадство Смита.

– Второй – какая-то четырехрукая тварь. Говорят инженер с Агавы.

– Инженера Нагиру также оставим в покое. Его, как и фаллийца уже нет среди живых.

– Еще одним уродом меньше, – Смит удовлетворенно кивнул. – Ну, тогда остается только лурийка, доктор Дэя.

– Вот о ней мы будем говорить долго и подробно, – капитан поудобнее устроился на стуле, как будто и впрямь надеялся провести здесь не один час.

– О... тут есть о чем поговорить. – Сержант слегка адаптировался к обществу контрразведчика, его уже практически не беспокоили исходящие от того ледяные флюиды. Именно поэтому он позволил себе вальяжную панибратскую улыбку, с которой мужики обычно треплются о представительницах прекрасного пола. – Очень похожа на наших баб. Я даже сдерживал ребят, горящих желанием проверить, что там у нее между ног.

– Ну-ну, Смит, придержите свои гормоны, – Норингтон махнул в сторону своего молодого компаньона. – Вы мне бойца испортите, а ему для работы необходима холодная голова.

– Да я как раз по поводу работы. – Дэниан Смит с подозрением оценил юного девственника. На вид пацану лет сем-

надцать-восемнадцать. В его-то годы...

– Так что по поводу работы? – капитан цепко держал нить беседы, не давая ей путаться, а тем более уходить в сторону.

– Ребята из отдела дознаний выжили из лурийки все что хотели. Оказывается, эта инопланетная красотка трахалась с одним из офицеров этих самых «Головорезов».

– Об отношениях доктора Дэи и лейтенанта Грабовского мне естественно известно, но обсуждать их мы сейчас не будем. Есть другое более спешное дело.

– Что опять описывать внешность? – Смит скис.

– Угадали.

– Э-хе-хе, – сержант пропустил очередной глоток мерзкого теплого пойла. Уставившись в глубины полупустой бутылки, он начал вспоминать стереоснимки из конвойного акта. – Высокая, думаю футов семь, не меньше. Фигуристая такая, только правда фигура эта, как бы правильно выразиться, звериная какая-то, что ли.

Смит снова потянулся к выпивке, но Норингтон пригвоздил его руку к столу.

– Не отвлекайтесь. Держите образ доктора Дэи перед своим мысленным взором и продолжайте ее описывать.

– Руку отпустите, – матерый сержант хотя и был воплощением грубости, но к себе подобного обхождения не терпел, пусть даже и со стороны офицера, пусть даже и из зоны «А». Пока с ним будут обращаться по хамски, Смит не произнесет ни слова.

– Продолжайте, – капитан разжал захват.

– Вот я и говорю, – морской пехотинец сделал вид, что милостиво простил обидчика. – Лурийка напоминает вставшую на дыбы кобылу. – Секунду поразмыслив, он уточнил, – породистую кобылу. Ноги длинные и стройные, а круп такой, что слюни текут.

– Как она двигается? Опишите походку. – Капитан глянул на Тери, как будто проверял внимательно ли тот слушает.

Двигается весьма примечательно. Очень широкие резкие шаги и при этом еще и умудряется вертеть задницей. Я как-то подумал, что будь у нее хвост, то при каждом шаге он непременно залетал бы вперед и хлестал свою владелицу по мордасам.

– Хорошо описали, доходчиво, – капитан удовлетворенно улыбнулся. – Дальше, вернее выше, раз уж ползете по лурийке снизу вверх.

– Выше на мой вкус все худовато. Грудь размерчик так второй, не больше. Живот и бока словно стянуты корсетом. Вернее не стянуты, а перетянуты. Выглядит весьма эффектно, но как-то уж очень неправдоподобно. Кажется, что она вот-вот переломится пополам.

– Вам бы книжки писать, Смит, – похвалил сержанта Норингтон. – А, Тэрри? Как ты думаешь? – Капитан покосился на молодого человека, но натолкнувшись на холодный непроницаемый взгляд его голубых глаз, сразу вернулся к расспросам. – Дальше. Руки, лицо?

– Руки как руки. Если бы не когти на пальцах, сказал бы что ничего запоминающегося. А вот лицо это да... я его как сейчас вижу.

Сразу после этих слов Норингтон поднял вверх палец, призывая Тэрри к особому вниманию. Смит понял, что с рассказом лучше не тянуть. Сержант зажмурился и тут же из мглы на него глянули пустые потухшие глаза инопланетянки, такие, какими он их запомнил там, в камере сжигания отходов. Неожиданно в душу ворвалась тоска. Все эти живые существа, которых тогда ему приказали отправить на тот свет, больше не казались смертельными врагами. И наверно хорошо, что они сбежали, иначе Дэниан до конца своих дней ощущал бы себя грязным садистом.

– Смит, очнитесь, – капитан дернул его за локоть. – Вы остановились на очень важном месте – лицо. Дайте нам ее лицо!

– Правильные человеческие черты. Глаза хотя и большие, но почти всегда прикрыты веками. Может от того они и кажутся узкими, раскосыми, прямо как у застенчивой японки. Лицо слегка вытянутое, но это ее не портит. Даже наоборот, появляется некое благородство как у дамы голубых кровей. Из-за того, что у Дэи нет ни волос, ни ресниц, ни бровей чудится, что смотришь на маску, – Смит поразмыслил и добавил. – Роскошную экзотическую маску. Кожа у инопланетянки светло-золотистого цвета, а по левой части лица, голове, шее и должно быть по всему остальному телу пляшут обал-

денно красивые узоры. То ли цветы, то ли диковинные птицы. Каждый может представить что угодно. Рисунок постоянно меняется, светится и переливается всеми красками радуги. Специалисты сказали, что это подкожные имплантанты. У них там на Луре мода такая. Даже жалко было пихать в топку этакую красоту.

Невзирая на протестующий жест капитана, Смит приложился к бутылке и не отрывался от нее, пока не осушил до дна.

– Это все? – Норингтон смекнул, что от духоты, алкоголя и сентиментальных чувств сержанта окончательно развезло. Толку от него становилось все меньше и меньше.

– А чего вы еще хотели? Рассказал что помнил. – Внутри морского пехотинца росла неприязнь к этим потрошителям человеческих душ.

Капитан пропустил мимо ушей вызов, таящийся в тоне подвыпившего сержанта, и обратился к своему напарнику, который как неподвижная статуя продолжал стоять возле их столика:

– Ну как, что-нибудь есть?

– Тяжело. Очень тяжело работать через свидетеля, тем более такого, как сержант Смит. Он пьян, его слова плохо иллюстрируются четкими зрительными образами. И вообще, по моему мнению, Смит не горит желанием сотрудничать с нами, а поэтому халатно относится к выполнению вашего, господин капитан, задания.

Ах ты, гнида желторотая! Смит весь вскипел от злости. Ну, попадешься ты мне в глухом темном уголке! Все кости переломаяю, кровавой юшкой будешь харкать! Ботинки мне будешь ли...

Смит запнулся, так и не досочинив до конца свою угрозу. Взгляд, которым угостил его Тэрри походил на удар острой отточенной сабли, точный и молниеносный. И судя по всему, клинок этот был отравлен. Сержант почувствовал, как яд растекается у него в груди, как одна за другой сжимаются, чернеют и умирают клеточки его здорового сильного тела. Черная волна вот-вот докатится до сердца и тогда... тогда смерть!

– Хватит, Тэрри! Оставь его! – капитан Норингтон энергично вскочил со стула и насмешливо поглядел на сержанта, который обеими руками пытался заткнуть несуществующую дырку в своей груди, – Поднимайтесь, Смит. Вы пойдете с нами.

– Зачем это? – прохрипел Дэниан затравленно зыркая снизу вверх.

– Как, разве вы еще не поняли? Вы теперь в нашей команде. – Затем Норингтон указал на Тэрри. – И, кстати, только что познакомились со своим напарником.

Глава 3

От неожиданного вскрика Грабовский вздрогнул. Повернув голову, он вопросительно уставился на соседа по креслу.

– Эй, Микульский, ты чего?

– Опять эта хрень, – рядовой тяжело дышал. В тусклом свете дежурного освещения было видно, что на лбу у него поблескивают капельки пота.

– Работаем на износ, – лейтенант достал из-под сиденья флягу с тонизирующим коктейлем и протянул солдату. – На, вот, глотни. Полегчает.

Ян Микульский сделал пару глотков, вернул флягу, а затем с уверенностью заявил:

– Нет, не полегчает. И усталость тут ни при чем. – Ян невидящим взглядом уставился в пустоту. – Одно из двух, либо во время допросов мне основательно поджарили мозги, либо у меня едет крыша. Хотя второе может легко следовать из первого.

– Не мели чушь. На борту «Призрака» тебя ведь обследовали. Дэя обследовала. А ты ее знаешь, найдет, даже чего и нет.

– Тогда откуда это чертово привидение у меня в башке? Только-только начинаю кемарить, а оно тут как тут. Стоит и смотрит. Ничего не делает, только смотрит. Но взгляд этот, я вам скажу... – Микульский поежился, словно от ледяного

пронизывающего ветра, – Чувствуешь себя аперитивом на пиру у вампиров.

– Рядовой Микульский приказываю выбросить глупости из головы и отдыхать. – Грабовский потрепал по плечу своего старого боевого товарища. – Если боишься спать, не спи. Просто закрой глаза, отключись и ни о чем не думай. Слышишь, ни о чем! Впусти в голову космический вакуум и держи его там как можно дольше, – командир подмигнул солдату. – Я так делаю всегда. Расслабляюсь после того, как вы, засранцы, меня окончательно достанете за день.

Обменявшись с Микульским мятыми улыбками, Грабовский встал и, пошатываясь в такт раскачивающемуся планетоходу, двинулся в направлении места водителя.

Пилотское кресло в спасательной шлюпке предусматривалось лишь одно. Места для остального экипажа располагались в кормовой части. Так что, если кому-либо из пассажиров во время движения вдруг взбредет на ум пообщаться с пилотом, то делать он это будет стоя, крепко вцепившись в аварийные поручни. Марк изобрел другой способ. Не долго думая, он уселся прямо на пол, опершись спиной о пульт управления. За окном непроглядная ночь и пялится туда все равно бесполезно, а вот лицо пилота прямо перед глазами. Пару минут он сидел молча.

– Долго будешь меня гипнотизировать? – Великий Мастер на мгновение оторвал взгляд от непроглядной мглы за бортом и глянул на друга.

– Пытаюсь понять, мое присутствие может привести к дорожно-транспортному происшествию или такому многоопытному водиле как ты способно помешать лишь внезапное извержение вулкана, землетрясение или цунами.

– Можешь остаться. Это не скоростной автобан на подъезде к Парижу. Ползти с бархана на бархан я могу даже с завязанными глазами.

– А темнота? Ты не хочешь все же включить фары?

– Добавить еще один демаскирующий фактор? Нет уж. Я и так все прекрасно вижу.

– Угу, – в знак согласия Марк кивнул. – С Микульским твориться что-то неладное. Галлюцинации. Боюсь, как бы он и в самом деле не съехал с катушек.

– Не похож он на шизофреника.

– Говорит, что постоянно видит какое-то привидение. Ты бы не мог забраться в его сны и пошерудить там, выяснить, что к чему, откуда эта зараза берется?

– Не пробовал, – Мастер призадумался. – Наверное, смогу. Вот сменюсь и сразу займусь.

– Сменишься? – Грабовский расплылся в ироничной ухмылке. – Да мы едем уже пятнадцать часов, а ты вцепился в рычаги мертвой хваткой, как бультерьер в глотку. Если помнишь, я уже два раза предлагал тебе поменяться.

– Меня что-то беспокоит. Что-то не так. – Мастер немигающим взглядом шарил по невидимым для Марка барханам.

– Что-то за бортом? – Грабовский всполошился.

– Что-то на этой планете.

– Какая новость! Именно из-за нее ты не даешь себе ни спуска, ни отдыха? – лейтенант расслабился. – С тех пор, как на планету рухнул город, здесь столько всякой нечисти: морунги, охотники, оборотни. Да эти уроды из «Архангела» могли черти-кого наплодить в своих лабораториях. Зная о таких соседях, любой начнет шарахаться даже от собственной тени.

Великий Мастер не ответил. Он все смотрел и смотрел вдаль, словно взглядом хотел пробить не только мрак ночи, но и время, и пространство. В зеленоватом свете, исходящем от приборной панели, Марк видел его неподвижное лицо. Черт побери, он никак не мог привыкнуть к этому кошмару. Твердая как сталь чешуя вместо волос, угловатое костное забрало вместо носа и щек. Все остальное – пластик и металл синтезатора дыхательной смеси. Марку вдруг нестерпимо захотелось кинуться к Мастеру. Когтями и зубами содрать, сцарапать, соскрести с него ненавистную маску сюрреалистического монстра. Вдруг произойдет чудо, и под ней откроется приветливое улыбочивое лицо его лучшего друга – Николая Строгова. Чтобы не выдать своей боли, Грабовский уставился в пол.

– Ник, ты когда-нибудь вспоминаешь о Земле, о доме? – Всплывшие в памяти черты Николая вызвали острый приступ ностальгии.

– О доме? – призраки Воларда так крепко завладели мыс-

лями Строгова, что тот не сразу понял, о чем спрашивает его друг.

– Ну, да, о доме, – Марк подтянул колени к груди и совсем по-детски охватил их руками. – А вот мне все чаще и чаще начал чудится шум моря. Солнце, чайки, наша яхта...

– Девки в бикини, музыка, шампанское... – Николай хмыкнул.

– Нет, мама. – Грабовский даже не подумал обидеться. Он говорил ровно и задумчиво, как будто картинка и сейчас стояла у него перед глазами. – Она в легком белом платье, стоит, облокотившись о перила, и весело смеется. А мы с отцом сидим, свесив ноги с борта, ловим рыбу на удочку. Мне всего десять лет, и у меня ни хрена не получается, то леска путается, то наживка слетает. А мама подбадривает и подначивает устроить соревнование на лучшего рыболова...

Грабовский запнулся. Он словно вместо воздуха втянул в легкие плотную вязкую смолу, от которой ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– А я о своих стариках стараюсь не думать. – Едва слышно прошептал Мастер. – Даже если и выживу во всей этой катавасии, мне домой никак. Куда же я вот такой... – Строгов с такой силой стиснул оба управляющих джойстика, что его когти глубоко вошли в мягкий рифленый пластик.

– Ну, они, по крайней мере, хоть живы.

– Твой отец, скорее всего, тоже жив. – Николай произнес это очень тихо, можно сказать задумчиво.

– Что?! – Марк подскочил как ужаленный. – Ты смог?! Ты его отыскал?!

– У меня с твоим отцом, я бы сказал, чисто шапочное знакомство. Да и встречались мы давненько. Поэтому мне довольно сложно засечь его биополе. Но ты мой друг, и я изо всех сил пытался помочь...

Строгов умолк. Бесконечно долгую минуту он задумчиво смотрел на проплывающий за окном пейзаж. Ночь заканчивалась, и мир за бортом уже не казался таким непроглядно черным. По нему туманными призраками побежали первые бурые пятна.

– Несколько раз удавалось почувствовать что-то похожее на энергетическое поле твоего отца. – Мастер говорил медленно, словно в этот самый момент снова искал в бесконечных просторах вселенной слабый голос Грабовского старшего. – Однако всякий раз объект прерывал контакт. Он блокировался жестко и умело, как будто был готов к этому, как будто знал кто я.

– Что ты этим хочешь сказать? – мысли путались во включенном мозгу Марка.

– Только одно – тому, о ком я говорю, есть что скрывать и он совсем не горит желанием излить мне свою душу.

Что за чертовщина! Грабовский попытался разложить по полочкам все сказанное другом. Пользуясь своими уникальными способностями, Николай пробовал наладить связь с отцом. Среди триллионов живых существ, населяющих на-

шу галактику, он нашел кого-то похожего. Ну и что из этого? Пока астральный контакт не стал двусторонним, даже Великий Мастер не может гарантировать что выбор сделан верно. Да, Николаю показалось, что объект знает о нем... Но это тоже еще ничего не значит. Мало ли в галактике причудливых живых существ. Может какие-то кайнозойские тушканчики именно так и реагируют на вторжение в свой мозг.

– Ты прав, доказательств маловато, – Строгов повертел головой разминая затекшую шею. – Я наверняка принял бы свою находку за очередную пустышку, если бы не одно «но». Дело в том, что мой «кайнозойский тушканчик» находится не где-нибудь на другом конце галактики, а именно здесь, на Воларде. В этом я уверен.

От такого удара у Марка потемнело в глазах. Он вдруг вспомнил, как аннигилирующие излучатели «Новой Невяды» безжалостно палили по Амарилло.

– Когда...? – разведчик с трудом проглотил застрявший в горле воздух. – Когда ты чувствовал «его» в последний раз?

– Еще до начала боя. – Строгов старался не смотреть в глаза другу.

– А сейчас?! Попробуй сейчас!

Грабовский едва удержался, чтобы не кинуться к Николаю. Он готов был скандалить, требовать, умолять, стать перед другом на колени. Только бы тот сделал, только бы помог!

– А сейчас я ничего делать не буду, – голос Великого Ма-

стера прозвучал непреклонно. – Не только я могу слышать, слышать могут и меня. Поэтому покуда мы сидим здесь, хилые, беспомощные и почти безоружные, я предпочитаю не высовываться.

Марк понимал, что Строгов прав. Но попытка неизвестностью была невыносима. Он должен что-то сделать.

– Доберемся до Амарилло, там и будем делать, – Великий Мастер читал мысли Грабовского как открытую книгу. – А сейчас, я тебя очень прошу, смени растерянно-интеллигентскую мину на что-нибудь более подходящее моменту.

– Этот город, – Марк не слышал друга, в его глазах заплясали свирепые хищные огоньки. – Мне кажется, он таит в себе зло всего мира.

– Я бы не делал столь поспешных и категоричных выводов.

– Ах вот как? – разведчик с вызовом вскинул голову, но тут же совладал с эмоциями. – Понимаю. Во мне тоже бушует внутренний протест. Ведь получается, что мы боремся против своих... против людей с планеты Земля. Но, Ник, «Архангел» это ведь далеко не вся Земля.

– Спасибо за информацию, а то я не знал, – Великий Мастер повернул к другу свое неподвижное сосредоточенное лицо. – Хочешь правду?

– Какую правду?

– Правду, которую нам всем следует понять и принять.

– И в чем же она состоит?

– А в том, что мы ни хрена не знаем, а следовательно ни хрена не понимаем. Лично я не могу однозначно сказать кто прав – кто виноват, кто плохой – кто хороший.

– И это говорит человек, потерявший в схватке с «Архангелом» практически всех своих товарищей, человек чье тело носит отпечатки этой войны, человек, у которого эти нелюди едва не отобрали любимую женщину!

– Я понимаю, ты бесишься из-за отца, – Николай добавил в свой голос примирительные интонации.

– Как представлю, что он гниет где-то там, в бетонных казематах под Амарилло... Не могу передать, что со мной начинается твориться. – Марк стиснул кулаки. – А более всего бесит собственное бессилие.

Оба друга замолчали. Они наговорили друг другу достаточно. Теперь в тишине каждый хотел осмыслить суть сказанного. Удивительно практический ум Грабовского тут же принялся изыскивать план проникновения в город. Все разговоры Николая – это лишь чистейшая теория, а вот отец он здесь, он рядом, он ждет помощи. Пока в голову приходило всего два варианта. Первый – проникнуть в Амарилло под видом какой-нибудь разведывательной или патрульной группы, возвращающейся после выполнения задания. Второй – сдать в плен, а затем, находясь уже в городе, совершить побег. Что-то подобное уже проделали Микульский с Мартинесом. Если получилось у них, почему не получится у него? Только вот следует запастись некоторыми полезными

штуковинами, незаметно вшитыми в комбинезон. Над списком именно таких шпионских принадлежностей как раз и размышлял разведчик, когда его окликнул Строгов:

– Марк!

– Чего?

– Что ты имел в виду, когда говорил, что Луизу едва не отобрали у меня?

– А она тебе ничего не рассказывала?

– Когда? Во время боя? Во время нашей головокружительной посадки? Или может, когда мы как очумелые гребли песок из-под брюха завязшего планетохода? За те пару суток, которые минули с момента нашей встречи, наедине мы оставались всего несколько коротких минут.

– Понимаешь, я сам особо не в курсе. Моришаль как то сказал...

– Хватит темнить. Раз начал, так договаривай.

– Ну, еще дома, на Корсике... – Грабовский терялся с чего начать, – Пока Луиза лежала в госпитале и находилась без сознания... Короче, туда и заявились агенты «Архангела».

– Стоп! Луиза была в госпитале, да еще и без сознания?! Что с ней произошло?! – В голосе Строгова слышалась нешуточная тревога.

– А ты готов это услышать и не перевернуть планетоход вверх тормашками?

– Говори.

По интонации друга Марк понял, что подготовил того к

тяжкому испытанию.

– Она потеряла ребенка.

Грабовский внутренне подобрался, ожидая, что вот-вот придется уворачиваться от кусков вдрызг разбитой приборной панели. Однако, летели секунды, за ними ползли минуты, а Великий Мастер даже не шелохнулся. Он походил на робота, у которого от короткого замыкания расплавился главный процессор. Быть может именно аналогия с перегоревшим электроприбором и заставила разведчика заговорить первым. Протянув руку, он толкнул Николая в колено.

– Э... Ты в порядке?

– Ребенок... Я не подумал, что у нее мог быть ребенок. – Строгов говорил сам с собой. Это был бесстрастный голос человека, находящего под глубоким гипнозом.

Грабовский от удивления даже открыл рот. Он прекрасно знал своего друга. Благородный, чуткий, горячий сердцем рыцарь без страха и упрека. И вдруг полное отсутствие эмоций, причем по поводу таких ужасных и мучительных событий. Ведь речь идет не о ком-нибудь, а о его собственном ребенке. В душе Грабовского вскипело справедливое негодование.

– Ник, это был твой ребенок!

Разведчику стало не по себе, когда на него уставились горящие лазуритово-синие глаза.

– Плохо, очень плохо.

– И это все, что ты можешь сказать?

Марк не мог понять, что твориться с Николаем. Пару минут назад тот искренне волновался за свою подругу, был живым чувствующим человеком, и вдруг... Вдруг такая перемена. Ни дать, ни взять – Терминатор, Железный Дровосек без сердца!

– Она что-нибудь помнит?

– Не знаю, мы с Луизой это не обсуждали, – вопрос Мастера еще больше разозлил Грабовского.

– А что рассказывал Моришаль?

– Рассказывал, что Луиза как пушинки раскидала двух здоровенных амбалов и кинулась бежать. На ступеньках госпиталя Моришаль ее и перехватил. За ними была погоня, но ты ведь знаешь капитана... За рулем он бог.

Великий Мастер кивнул. Но сделал он это чисто автоматически. Судя по всему, мысли великого воина блуждали где-то очень далеко. Глядя на непроницаемое лицо друга, Грабовский не выдержал:

– Слушай, до тебя вообще дошло то, что я сейчас рассказал? Погиб твой ребенок, и твоя женщина сама чуть не отдала богу душу.

Марк специально делал акценты на словах «твой» и «твоя».

– Когда это произошло?

– Ну, ты совсем непробиваемый! – Марк всплеснул руками.

– Неужели будет лучше, если я стану расспрашивать об

этом Луизу?

– Месяцев шесть-семь назад, если верить Моришало. Да ты сам его спроси. Для тебя это ведь не проблема, телепат хренов!

– Шесть-семь месяцев... – Николай повторил вслух. – Тогда получается, что выкидыш произошел на пятом месяце беременности.

– Да твой это ребенок, твой! – Грабовский вдруг понял причину необычного поведения друга. – Ты что, Луизу не знаешь? Она же принцесса из старых сказок, честная и верная! – Чтобы рассеять последние сомнения Николая, лейтенант добавил, – И по срокам все сходится, ведь верно?

– То-то и оно, что верно.

Строгов рывком остановил планетоход и стал отстегивать ремни безопасности. Марк вдруг заметил, что у друга дрожат пальцы.

– Что случилось? – Грабовский стал подниматься на ноги.

– Садись за рычаги, дальше поведешь ты.

– Что случилось? – разведчик повторил вопрос, вцепившись в руку Мастера.

– Я должен собраться с мыслями и силами. Кажется у меня беда.

Ах, вот оно что! Чувства Николая мутировали точно также как и его тело. Огонь боли отчаяния и тоски бушевал где-то глубоко внутри. Это словно термоядерная топка. Снаружи ледяной металл, внутри всепожирающее и всепожи-

рающее пламя.

– Ник, возьми себя в руки. Ты нам нужен. Это все уже в прошлом. Вы с Луизой сильные. Вы вместе. Вы вынесете все испытания и все лишения. – Говоря это, Грабовский тряс Строгова, пытаясь привести в чувства.

– Спасибо, друг, – Мастер накрыл руку разведчика своей жесткой когтистой пятерней и горько улыбнулся. – Но скорее всего, самое страшное у меня еще впереди.

Глава 4

Пальцы легли в предназначенные для них углубления, сверху кисть придавила плотная массивная крышка. Так что сержант Дэниан Смит даже если бы и захотел, то все равно ни за что не смог бы выдернуть руку. Хитро придумано! Если сканирование пройдет успешно и ДНК посетителя будет опознана, дальше все пойдет своим нормальным штатным чередом. Прибор раскроется, словно створки ракушки и посетитель сможет пройти. Если же со сканированием возникнут проблемы, неудачник окажется крепко схваченным за руку, и освободить его из этого капкана сможет лишь вызванный по тревоге патруль.

Все это сержант Смит вспоминал, пока хитроумная машина проводила анализ его генокода. Процесс занимал около минуты, и Дэниан смиренно ждал, барабаня пальцами свободной руки по макушке деловито гудящего сканера. Но вот красный огонек сменился зеленым, и крышка с хищным шипением поднялась вверх. Наконец-то! Смит с облегчением распрямил спину. Он был довольно высок, а сканирующее устройство изготовили под размеры не иначе как пигмеев. Так что, перед входом в зону «А», всякий раз приходилось кланяться, словно она, эта самая зона, вовсе и не военный объект, а храм почитаемого божества.

На самом деле Смит относился к зоне и всему тому, что в

ней происходит с недоверием или даже с некоторым отвращением. Он солдат, и привык к честному бою, а вот все эти опыты... Сам-то он, естественно, ничего не видел, но по городу упорно ползли слухи, что где-то там, в глубине зоны «А», идут жуткие биологические эксперименты. Даже если это и так, то Смит понимал в чем дело. В одиночку человечество не в силах победить своих многочисленных инопланетных врагов. Однако, видеть среди союзников каких-то там мерзких упырей тоже, понимаешь ли, радости мало. Кто его знает, что творится у этих тварей в мозгах. Сегодня они на твоей стороне, а завтра? А завтра, глядишь, и сами вцепятся тебе в самую глотку.

Стоп-стоп! Дэниан Смит помотал головой. Не о том думаешь, сержант. Сейчас для тебя главное живым и невредимым добраться до места. Смит подошел к пузатому маршрутному автомату и сунул в щель приемника свой идентификационный жетон. Машина загудела, защелкала и тут же выплюнула в руки сержанта гибкую пластину со свежестпечатанным маршрутом движения. На прозрачном пластике в правом верхнем углу горели красные цифры. И не просто горели, они каким-то непостижимым образом ухитрялись меняться, отсчитывая часы, минуты и секунды.

Да... По зоне «А» просто так не погуляешь! Смит тут же с головой ушел в изучение плана и графика движения. Это было необычайно важно. Окажись ты не в том месте и не в то время, как рискуешь быть запертым в глухом темном ту-

пики, который еще минуту назад был широким людным коридором. И это еще не самый худший исход. Есть места, где ротозея ждут парализующие станеры или того хуже – лазерная сеть с ужасно мелкими ячейками. Оставшийся от него дымящийся гуляш будут выгребать совковой лопатой.

Сверясь с планом, Смит быстро шел по узким, но ярко освещенным подземным переходам. Электроэнергию здесь не экономили, не то, что во всем остальном городе. Иногда навстречу попадались люди. В эти ранние утренние часы их было не много. В основном военные. Они лишь на мгновение поднимали глаза, быстро обменивались приветствиями, а затем снова утыкались в расчерченные лабиринтами пластиковые пластины.

Отметка номер сто двадцать пять. Ага, вот она! Он должен быть здесь в шесть, тридцать одну. Уложился. Что дальше? Поворот направо и движение до лифта номер сорок один.

До лифта предстояло шагать минут десять, и это, как подсказывала схема, по ровному как стрела коридору. Смит вздохнул с облегчением и опустил бесполезный сейчас планшет.

Навстречу шла девушка. Дэниан заметил ее еще издали. Невысокого роста, пухленькая, с копной огненно-рыжих волос, собранных в аккуратную высокую прическу. Сердце сержанта заколотилось с частотой автоматной очереди. Господи, не может быть! Сара! Он кинулся к ней, но, пробе-

жав метров десять, остановился как вкопанный. Нет, не она. Ошибся. Плечи сержанта безвольно поникли.

Незнакомка с гневом глянула на так беспардонно разглядывающего ее солдафона, хмыкнула и пошла дальше, ритмично цокая каблучками.

– Простите, обознался, – крикнул вслед девушке Смит и, едва передвигая вдруг налившись свинцом ноги, поплелся прочь.

Он вспомнил Сару, свою маленькую Сару. Они встречались лишь три месяца, но за это время успели накрепко прикипеть друг к другу. Сара уже придумывала имена их двух будущих детишек, а Дэниан на все свои скудные сбережения приобрел кольцо с пяти каратным бриллиантом. Но вдруг Сару перевели на Фрейзер. Смит сперва сокрушался, однако вскоре успокоился. Колония на Фрейзере самое тихое местечко во всей освоенной человечеством галактике. Естественно, это не Земля, но о Земле можно забыть. Все они, подписавшие контракт, не вернуться на родную планету пока проект «Архангел» остается тайной за семью печатями. Так что для Сары городок на Фрейзере это лучшее место из всех возможных. Это не духота и теснота космических станций. Фрейзер – рай с чистым воздухом, величественными, пусть и безжизненными пейзажами, пониженной гравитацией, и главное – медицинский центр там оборудован по самому последнему слову техники. Короче, то, что нужно для будущей мамы. Да и кроме того, Саре не так долго пришлось

бы оставаться одной. Сержант написал рапорт, и при содействии полковника Грейза его перевод в охрану Фрейзера был почти решен.

И Дэниан таки попал на Фрейзер. Только вот то, что он там увидел, едва не свело его с ума. Колония была уничтожена. Весь городок превратился в перепаханное поле, из которого словно остатки старой стерни торчали искореженные столбы и балки. Оплавленные скрюченные панели от металлических стен выглядели пугающими сюрреалистическими изваяниями. Ветер гонял стайки обгорелых бумажных листов, ворошил одежду и волосы на тысячах обезображенных трупах. Сару он так и не нашел, ни живую, чтобы обнять, ни мертвую, чтобы похоронить. В тот день Смит дал себе клятву, что не успокоится, что будет мстить пока жив, что никогда не забудет и не простит.

Взбешенный от разбередивших душу воспоминаний Смит влетел в кабину лифта номер сорок один. С размаху ударившись о полированный металл, сержант в гневе колотил по нему кулаком и сквозь зубы рычал:

– Черт побери, сколько же можно ждать! Когда же, наконец... Когда же наконец мы начнем резать им глотки?!

Норингтон обещал, что группа выйдет на поиск вражеского десанта. Ну, и где же? Вот уже третий день наполнен бездействием, отягощенным идиотскими тренировками и дурацкими медитациями в компании этого недоноска Тэрри. Да еще плюс ко всему, вчера ему в башку зачем-то загрузили

межгалактический интерлеви и французский. Смит думал, что содохнет от возникшей после этого головной боли. Короче, хрень, кругом одна непонятная бессмысленная хрень.

Лифт остановился, негромко запиликал и услужливо раскрыв двери. Дэниан Смит сделал шаг наружу и обмер от изумления. Сержант предполагал, что как и вчера, и позавчера он окажется в тренировочном центре, однако, сегодня все вышло по-другому. Смит вдруг очутился в огромном авиационном ангаре, где спешно грузились три тяжелых десантных флаера. В один их них загоняли угловатую многоколесную машину. Дэниан сразу ее узнал. Такие вот броневики обычно использовали разведчики новых миров. Спускаемый аппарат состоял из двух разделяющихся частей. Модуль-матка, оснащенный двигателями взлета, оставался на месте приземления и являлся базой разведчиков. А мобильный модуль с экипажем восемь-десять человек уходил в дальний поиск. Говорят надежная, безотказная машина с бешеной проходимостью. Но Смит никогда не слышал, чтобы ее применяли в боевых операциях. Броня ведь не толще скорлупы грецкого ореха, а из оружия только легкая лазерная установка. Куда ей в настоящий бой!

– Сержант Смит, вы как всегда пунктуальны, – голос капитана Норингтона прозвучал из-за спины.

– Спасибо, сэр, – Дэниан повернулся кругом и отдал честь.

– Мы выступаем, – капитан кивнул в сторону флаеров и

суеотящегося вокруг них персонала.

– Наконец-то! – радость на лице Смита сменилась досадой. – Но, сэр, я не захватил свое оружие, свою экипировку.

– Успокойтесь, вам выдадут все необходимое. Хотя основная ваша задача на сегодня совсем не стрелять или метать гранаты.

– Опять рассказывать сказки этому вашему молокососу? – сержант наморщился.

– Я думал, вы поладили, – капитан не ответил на вопрос. Он взял Смита за локоть и развернул его, приглашая проследовать к грузившемуся флаеру. Шагая рядом, Норингтон нравоучительным тоном продолжал. – У Тэрри было сложное детство. Он сирота. Вырос в одном из... – тут контрразведчик помедлил, подбирая нужные слова, – ну, я бы сказал, в одном из государственных учреждений закрытого типа. Так что с внешним миром Тэрри начал знакомиться сравнительно недавно. И ему приходится тяжеловато. Именно поэтому если рядом будет находиться такой человек как вы, с большим жизненным опытом, так долго и преданно работающий в проекте, парнишке будет легче освоиться в обществе, стать убежденным борцом за победу нашей родной Земли.

– Значит, вы сватаете меня в наставники? – без энтузиазма поинтересовался Смит.

– В какой-то мере, да.

– А вытянули вы пацана из этого его приюта только потому, что он вдруг проявил незаурядные телепатические спо-

собности?

– Вы совершенно правы, – Норингтон загадочно ухмыльнулся.

Что-то в этой ухмылке Дэниану не понравилось. Оскал высшего существа, чувствующего свое превосходства над низшим. Так улыбаются верному псу, гладят его по шерстке, чешут за ушком, а потом ведут к ветеринару, чтобы кастрировать. Похоже Норингтон что-то не договаривает. Может, Тэрри вытянули совсем не из приюта для мальчиков-одуванчиков, а из тюрьги для малолетних ублюдков? И помощь нужна совсем не для его адаптации к нормальному миру нормальных людей. Может, совсем наоборот, услуги сержанта понадобились для контроля над этой бомбой замедленного действия, которая может взорваться, окажись ей что не по ее вкусу. Смит вспомнил, как вчера во время чистки оружия Тэрри хладнокровно проткнул шомполом руку одного из солдат, когда тот шутики ради назвал его смазливой девочкой. А могло все закончиться и гораздо хуже. Здоровенный морской пехотинец оказался не в силах защититься от выпускника некоего таинственного государственного учреждения. И если бы они с Норингтоном не подоспели вовремя...

От посторонних мыслей сержанта отвлек незнакомый капрал, ожидавший на аппарели того самого флаера, в который только что загнали разведывательный модуль. Сделав шаг навстречу начальству, он отдал честь и вопросительно взглянул на капитана.

– Да, Джим, – Норингтон кивнул. – Отдайте сержанту его снаряжение и оружие.

Без всякого промедления капрал по имени Джим протянул Смиту объемистый полиэтиленовый мешок, в котором лежал шлем с темным тонированным бронестеклом и полевой комбинезон. Шлем как шлем, очень похож на мотоциклетный. У сержанта он не вызвал особого интереса, а вот комбинезон, совсем другое дело! Новая модель, Дэниан таких раньше и не видывал. Выполнен из «Хамелеона». Именно поэтому сейчас вся ткань рябила серыми, желтыми и коричневыми пятнами, повторяя основные цвета, доминирующие в интерьере авиационного ангара. Пока сержант разглядывал свою новую одежку, капрал снял с плеча винтовку и также протянул ее Смиту.

– Это что еще такое? – американский морской пехотинец с пренебрежением подцепил за ремень французский FAMAS-G3.

– Берите, так надо, – Норингтон жестом отпустил капрала. – Во время полета я вам все объясню.

– Вообще-то я полагал, что в вашей конторе, сэр, народ вооружен чем-то посolidней, – сержант с разочарованием обвел взглядом суесящийся вокруг личный состав.

– Посolidней? – улыбнулся капитан. – Это чем же, например?

– Ну, я не знаю... – пожал плечами Смит. – Мы все-таки живем в космической эре. Должны быть какие-то новинки.

Что смастерили сами, что сперли у инопланетян.

– Новинки, говорите?

Взгляд Норингтона стал невидящим, пустым, устремленным в никуда. Он явно что-то припоминал. Несколько секунд капитан молчал, а затем, словно очнувшись, задал Смиту странный вопрос:

– Вы когда-нибудь слышали о сто первой дивизии?

– Десантура, сэр. Хорошие пацаны. Только до меня доходили слухи, что их нахрен расформировали.

– А почему расформировали, не знаете?

В ответ Смит скорчил такую страшную рожу, что Норингтон просто обязан был все понять. Откуда простой сержант мог знать о таких вещах.

– Ладно, сержант, я вам расскажу, но только по большому секрету.

Контрразведчик состроил таинственную мину, по которой даже дурак понял бы, что секрет, который тот собирался поведать, уже давно не секрет. По крайней мере, для тех, кто работает на «Архангел». Но все равно Смиту было жуть как интересно. Он знал кое-кого из десантников еще по Ираку, и был совсем не прочь встретиться с парнями вновь.

– Сто первая погибла. В живых осталось чуть меньше батальона, – слова Норингтона тяжелой бейсбольной битой ударили Смита по голове.

– Но как же так, сэр?! – выдохнул ошарашенный, оглушенный сержант.

– Планировалось, что дивизия станет нашей космической гвардией. Ее перевооружили, оснастили новейшей техникой и отправили на маневры. Во время первого же учебного боя участок марсианской поверхности размером с Чикаго просто расплавился и вскипел. – Норингтон сглотнул подступивший к горлу комок и вполголоса закончил. – Они не успели уйти. Они погибли там почти все.

– Их что, не учили обращаться с этим оружием? – Смит был поражен.

– Конечно, учили. Но человек остается человеком. Они применяли лучевые дезинтеграторы так, словно это были обычные винтовки.

– Они же профессионалы!

– Смит, вы знаете, сколько солдат убило или покалечило самое первое примитивное огнестрельное оружие... вернее не само оружие, а неумелое обращение с ним? Тысячи! А их всех, между прочим, тоже учили. С пистолетами и мушкетерами уверенно себя почувствовали лишь те, кто родился и вырос в эпоху пороха и пуль, кто с детства накрепко усвоил что можно, а чего нельзя.

– Понимаю, сэр, – протянул морской пехотинец. – Это вы намекаете, что дай нам с вами сейчас в руки какие-нибудь атомные излучатели, мы бы тогда, сами того не желая, разнесли всю станцию на куски?

– Станцию это вряд ли, – Норингтон оценивающе огляделся по сторонам. – Но вот в этом ангаре точно никого в

живых бы не осталось. Ни своих, ни чужих.

– Это вы, сэр, доходчиво объяснили. – Смит последовал примеру командира и обвел взглядом огромный ангар. – Ладно, так и быть, пусть новое поколение осваивает все эти современные штуковины. А мы уж как-нибудь по старинке... – с этими словами Смит показушно поправил на плече ремень автоматической винтовки.

– Да, слава богу, нам пока и этого с головой хватает, – капитан согласно кивнул, а затем поглядел на часы. – У-у-у, мы с вами что-то заболтались. Вылет уже через двадцать минут. Так что ступайте внутрь и живо переодевайтесь.

Двадцать минут это не так уж и много. За двадцать минут сложновато будет разобраться во всех хитростях нового боевого обмундирования. Это тебе не хлопчатобумажные куртка и штаны, которые американская армия таскает вот уже лет так десять. Здесь приладишь что-нибудь не так и вполне можешь получить электрический разряд в задницу или того хуже сожмет горлянку так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть, хоть ножом режь. Смит помнил, бывали уже такие случаи.

Сержант мерил шагами палубу грузового трюма и прикидывал где бы так поудобнее пристроится для смены гардероба. Вокруг полно народу. Десантники, проверяющие свое оружие и амуницию. Техники, закрепляющие разведывательный модуль. Экипаж флаера, ревностно следящий за погрузкой, налево и направо раздающий бесчисленные приказы и советы. Неохота при всех них красоваться со спущен-

ными штанами. Поразмыслив, Смит пришел к выводу, что вполне подходящим местом является сам разведывательный модуль. Вот и дверь в него светится гостеприимным зеленым глазком, оповещая, что система разблокирована и радушно примет гостя. Недолго думая, морской пехотинец распахнул многослойную бронированную дверь и шагнул внутрь.

Внезапно голову сержанта пронзила острая боль, да такая сильная, словно в мозг разом впились сотни раскаленных игл. Дэниан закачался и чтобы не упасть ухватился за стены. Винтовка выскользнула из его рук и с глухим стуком грохнулась на металлический пол. Звук падения вызвал ответное шевеление в районе пилотской кабины. Да, внутри определенно кто-то находился. И этот неведомый кто-то, тут же ринулся навстречу сержанту. Уже через мгновение на Смита глянуло белое безносое лицо. Лишенные век большие черные глаза смотрели пристально и испытывающе. Дэниан видел не так много инопланетных рас, но этого пришельца он опознал сразу. Харририане! Враги! Измена! Смит хотел крикнуть, позвать на помощь, но потерял сознание и как подкошенный рухнул на пол.

Глава 5

Грабовский вел планетоход пять часов. Вроде бы не так уж и много, но если учесть, что и до этого лейтенант целые сутки провел в кресле, а спал он... Марк наморщил лоб, пытаясь суммировать все те редкие минуты, когда удалось слегка подремать. Получилось что-то около двух часов. Вот и результат! Спину ломило, сидуха под задницей превратилась в твердую каменную плиту. Слава богу, что сонливость исчезла, и голова оставалась чистой и ясной. Но это была совсем не заслуга Грабовского. Автоматическая аптечка боевого комбинезона регулярно покусывала его, впрыскивая легкие стимуляторы. Лейтенант понимал, что так не может продолжаться вечно. И через час – другой карманный доктор посчитает, что дальнейшее применение лекарственных средств небезопасно для организма и порекомендует отправиться спать. Это будет через пару часов, но пока... пока он еще может потерпеть. Пусть ребята отдохнут.

Грабовский кинул быстрый взгляд назад. Луиза спала, свернувшись калачиком, словно котенок. Голову она положила на колени Строгова. Намаялась бедолага. Марк тяжело вздохнул. Прежде чем уснуть они с Николаем о чем-то вполголоса говорили. Девушка плакала, Строгов ее утешал. А потом, взявшись за руки, они долго молчали. Да уж... судьба им выпала такая, что врагу не пожелаешь. И все же они вме-

сте, они любят друг друга. Это видно с первого взгляда.

Что же все-таки такое любовь? Грабовский почесал затылок. Луиза продолжает обожать странного Великого Мастера даже несмотря на его пугающую сюрреалистическую внешность. Я и Дэя... Мы такие разные. Я ни в коей мере не попадаю под эталоны красоты Лура, а она далека от звезд с обложек «Плейбоя». Но нас тянет друг к другу. Выходит, романтики всех веков и народов оказались правы, и от нас грешных ничего не зависит. Любовью правит кто-то там высоко на небесах.

Марку тут же захотелось пристально взглянуть в бесконечную голубую высь. Однако взгляд сперва скользнул по барханам, да так и остался прикованным к ним, будто угодил в прочный невидимый капкан. Что-то было не так. Вроде ничего особо подозрительного, но не так. Барханов справа как будто стало вдвое меньше. Вот ближние ползут вдоль борта планетохода. Вон дальние, зубьями исполинской пилы, вгрызаются в чистое синее небо. Ну а где спрашивается те, что должны заполнять собой пространство между передним и задним планом? Возможно, кто-нибудь другой не придумал бы этому значения. Эка невидаль, в бескрайней пустыне потерялись несколько бесполезных куч песка. Но Грабовский жил инстинктами разведчика. Он никогда не пренебрегал мелочами. И вообще, что такое мелочь? Кто знает, где мелочь, а где нет?

Не желая рисковать, лейтенант остановил машину, а затем

вытянул из бардачка мощный дегиталь-бинокль.

– Чего стоим? – тихий голос Великого Мастера прозвучал прямо возле самого уха Грабовского.

От неожиданности Марк вздрогнул. Фух, дьявол, напугал! Вместо ответа он оглянулся на пару кресел, где секунду назад Строгов с Луизой почивали сном младенцев. Кресло Мастера опустело, а Луиза продолжала безмятежно посапывать. Под голову ей была подсунута свернутая куртка Николая.

– Что-то заметил? – Мастер покосился на бинокль.

– Есть одна странность. Барханы... По-моему справа их гораздо меньше, чем слева.

– Да, действительно, – Строгов сделал шаг к входному люку. – Пошли, посмотрим,

– А может, подъедем?

– Не стоит рисковать. Модуль слишком тяжелая штукавина, а вдруг там обрыв?

– Согласен.

Проходя мимо Микульского, лейтенант толкнул того в плече. Когда рядовой открыл глаза, Грабовский подал сигнал. Присмотри, мол, тут, но тихо, Луиза еще спит. Ян кивнул, и Марк со спокойной душой выскользнул в приоткрытый люк.

Снаружи вовсю бушевало восходящее солнце. Марк не ожидал, что утром оно будет такое яркое. Из под тонированного бронестекла кабины Желтая Циклона казалась чуть ли не тусклым уличным фонарем, а на самом деле...! На секун-

ду ослепленному землянину даже показалось, что он плывет в океане расплавленного металла.

На адаптацию ушла пара минут. После того, как разведчик проморгался, он едва не задохнулся от восторга. Да, пейзаж действительно был величественен и прекрасен. Далекий затянутый голубоватой дымкой горизонт, прозрачный воздух, слегка колышущийся от жара разогретого алого песка, и высокое синее небо. Все безмолвно и недвижимо. Единственным неустанным путником этого безжизненного мира оставался ветер. Его импульсивные порывы игриво ерошили макушки барханов, отчего в лучах заходящего солнца то тут, то там вспыхивали настоящие фейерверки, зажженные блеском миллионов кварцевых песчинок.

Строгов стоял на вершине соседней песчаной горы и, прикрыв ладонью глаза, внимательно что-то рассматривал. Этот бархан казался самым высоким в округе, и Николай резонно выбрал его в качестве наблюдательного пункта. Разведчик тут же мелкой рысцой припустил по направлению к другу. Он изрядно захекался прежде чем преодолел сыпучую стометровку.

– Черт, теряю форму, надо будет...

Марк так и не успел поведать, как он собирается восстановить свою былую выносливость, так как онемел от неожиданного зрелища. Внизу на сколько охватывал глаз, простиралась бесконечная пустыня. По ее красному разгоряченному телу тянулся идеально ровный темный рубец. Барханы как

не силились, так и не смогли поглотить его. От этого на солнце поблескивал, словно отшлифованный таракотово-коричневый камень. Он контрастно выделялся на фоне огненно-красных наносов и бесконечной цепочкой уходил за горизонт.

– Это что, русло высохшей реки? – Марк сделал предположение, в которое и сам не верил.

– А что, похоже?

– Честно говоря не очень, – лейтенант рукавом вытер выступивший на лбу пот. – Не видно берегов, а главное уж больно эта хреновина ровная.

– Вот и мне так кажется, – Великий Мастер был донельзя лаконичен, как бы предоставляя Марку право самому сделать правильный вывод.

– Тогда, что? Неужели дорога... автострада?!

– А почему, собственно говоря, нет? – Строгов закивал головой, поддерживая гипотезу Марка. – Волард не самое неприятное место в галактике. Когда-то здесь вполне могла существовать развитая цивилизация. Тем более, что Источник много тысячелетий находился, по космическим меркам, совсем неподалеку. В его живительных лучах жизнь на планете должна была бить ключом.

– Что-то не похожа эта планетенка на эдемский сад, – Грабовский обвел взглядом безжизненную пустыню. – Да и сведений об археологических находках в нашей базе данных нет.

– Во-первых, мы приземлились на материке, который никто и никогда не изучал. Во-вторых, имеющаяся у нас информация – это данные, полученные в результате двух или трех коротких рейдов проведенных разведывательной службой проекта «Архангел». А их интересовало лишь одно – безопасность своего космического завода по производству морунгов. Как только выяснилось, что современный Волард мертв, к нему пропал всякий интерес. По причине все той же секретности, которая всегда окружала «Еву», на планету не допускались посторонние. Какая, уж тут, к дьяволу, археология.

– Гладко все у тебя сошлось, – Марк наморщил лоб, выражая этим подозрение к теории друга. – А ты можешь мне объяснить, как при суперсовременных технологиях наблюдения и первоклассных специалистах, «Архангел» мог проморгать целую цивилизацию, пусть даже и погибшую.

Строгов молчал почти целую минуту. Все это время он пристально всматривался вдаль, словно именно там искал ответы на прозвучавшие только что вопросы. Когда горящие синие глаза друга вновь обратились к Грабовскому, тот понял что так оно и есть.

– Мы пойдем по этой дороге, – слова Великого Мастера можно было расценивать как приказ и ничто иное. Однако они с Марком все же были друзья, и поэтому командир ни мог не объясниться. – Расхождение между нашим курсом и этим «автобаном», мене двадцати градусов. Двигаться по

нему гораздо быстрее, чем карабкаться по барханам, а главное намного безопасней для ходовой части. Отсюда возникает следующий план: Прodelаем большую часть пути по ровной дороге. Это примерно шесть с половиной тысяч. Затем свернем на северо-запад, а оттуда до базы, как говорится, рукой подать – всего каких-то две тысячи километров легкого бездорожья. По пути, глядишь, и разузнаем кто они – таинственные строители местных хайвэев.

– Вместо семи тысяч... почти девять, – сперва такая арифметика вызвала тоску в глазах Грабовского, но затем они стали разгораться огнем небывалого энтузиазма. – Но ты прав, двигаться будет легче, безопасней, а главное быстрее.

Усталости словно небывало. Марк вновь был готов бесменно сидеть за рычагами управления и гнать, гнать, гнать вперед. Теперь не придется огибать песчаные ловушки и непроходимые высокие барханы, теперь все зависит только от водителя, тоест от него. А он уж расшибется в лепешку, но покажет и сделает. Дэя где-то там. Она совсем одна, в окружении равнодушных чужих людей. В случае чего... ей даже не на кого рассчитывать. Поэтому нужно спешить!

Николай без труда прочел мысли друга.

– Помнится, ты здорово гонял на своем «Ягуаре», – в интонациях Строгова отнюдь не звучало сентиментальной тоски по прошлому, в них позвякивали металлические нотки приказа. – Так вот, это тебе не «Ягуар». От планетохода зависит жизнь всех нас. Против того, чтобы ты первый испытал

эту дорожку, я ничего не имею, но скорость будешь поддерживать не более сорока километров в час и дублирующую автоматику не выключать. Ты понял?

– Слушаюсь командир! – Грабовский взял под козырек, и постарался сделать так, чтобы его крамольные потаенные мысли не стали достоянием великого всевидящего и всеслышающего Мастера.

Удар сорвал Грабовского с места водителя и швырнул на приборную панель. Марк ничего не мог поделать. Прислушиваясь к оседающей на борт машине, он так и лежал, не замечая капающую из разбитого носа кровь. Алые капли обильно метили светящийся экран радара, словно рисуя на нем возникающие из неоткуда цели.

«Блин, неужели я все-таки заснул! – первая мысль, которая пришла в голову разведчику наполнила его душу отчаянием. – Ник меня убьет, ведь я вырубил драйвконтроль. И если мы влетели куда-то, то машине хана!»

Грабовский явственно представил их планетоход. Недвижимый и перекошенный он, словно старый потрепанный автомобиль, замрет у обочины пустынной магистрали. И стоять ему здесь не много не мало, а целую вечность, так как все спасатели в этой непонятной стране уже тысячу лет как не приделах.

Насчет недвижимости лейтенант явно погорячился. Падение двухсоттонной машины почему-то продолжалось. Ско-

рость его нарастала. Марку стало казаться, что они вот-вот опрокинутся и начнут грести гусеницами воздух на манер перевернутой кверху пузом черепахи. Такая возможность казалась все реальней с каждой секундой, и Грабовский поспешил сменить свое крайне ненадежное местоположение. Не обращая внимания, какие именно клавиши сминают его тяжелые космические ботинки, он оттолкнулся от пульта управления и прыгнул. Это было сделано ей богу вовремя! Как только Марк вцепился в привинченное к палубе кресло водителя, спасательная шлюпка провалилась в тартарары.

Грохот, скрежет, дым и языки яркого пламени превратили доселе незыблемый мир в декорации страшного суда. Проследить за головокружительным водоворотом событий, а тем более понять или осознать причину аварии Грабовский не имел ни малейшей возможности. Охваченный первобытным страхом он что есть силы вцепился в спинку кресла, закрыл глаза и приготовился к смерти.

Однако костлявая старуха, в который раз прошляпила свой шанс. Светопреставление закончилось до ее появления. Каменный дождь все еще нещадно молотил по стальной шкуре спасательного модуля, но все остальные «прелести», которыми должен сопровождается конец света, несомненно пошли на убыль. А главное, прекратилось падение. Конечно положение палубы сложно было назвать горизонтальным, зато она больше не подпрыгивала как взбесившийся жеребец. И хотя в окне вместо солнечного дня почему-то бурлило чер-

ное пыльное марево, зато огонь поумерил свою прыть, оставив о себе память лишь в виде светящихся тусклым светом разогретых камней за бортом.

Все это Марк отметил краем глаза, как бы, между прочим. Так уж устроена башка солдата, что в ней нет места для праздного созерцания и долгих раздумий. Рефлексы толкают его вперед, грубо напоминая, что движение – это жизнь. И это не просто какой-то там эфемерный лозунг. У человека привыкшего ходить по лезвию ножа, он приобретает вполне конкретный однозначный смысл – шевели своей жирной жопой, если хочешь спасти собственную шкуру.

И Грабовский не жалел ни задницы, ни коленей, ни локтей. Извиваясь как уж, он пополз между рядов вставших на дыбы кресел. Оглушенный столкновением с приборной панелью лейтенант почти ничего не слышал. Справедливо решив, что лучше перекричать, чем недокричать, Марк собрался с силами и завопил:

– Эй, есть кто живой?!

«Что ж ты так орешь? – ответ прозвучал прямо в глубине затуманенного мозга, от чего разведчику показалось, что завибрировал сам череп. – Что досталось на орехи? Еще на Земле я предупреждал тебя, что ремни безопасности далеко не лишняя деталь в салоне».

– Ник, ты где? – Грабовский узнал интонации друга, как будто это был не контакт на уровне подсознания, а реальные воспринимаемые ухом звуки.

– Я здесь, – сильная рука подцепила Марка за шиворот и поволокла в сторону машинного отсека.

– Не туда! – разведчик попробовал остановить Мастера. – К выходу! Быстрее наружу! Того и гляди, машина вновь кувыркнется.

– Дальше кувыркаться некуда. – Строгов несколько ослабил хватку. Марк уже слегка оправился от шока и нуждался лишь в легкой страховке. – Разве ты не понял? Мы провалились под землю.

Провалились? Конечно же, провалились! С души свалился не камень, с души грохнулась целая скала. Значит он тут не причем, значит он не виноват! А сейчас планетоход находится в какой-то яме или пещере. Как до Грабовского это не дошло сразу?! Вот откуда взялась эта темень за бортом. Ну а взрыв? Ведь был же взрыв!

– Никакого взрыва. В самый последний момент ты включил маневровые двигатели. Признайся, как догадался, что в баках еще могли оставаться топливные пары? Хватило как раз на один импульс. – Николай мимоходом похлопал друга по плечу. – Хорошая работа. Именно это спасло нас от кульбита, и, между прочим, здорово тебя выручило. А то бы мы сейчас черпали твои мозги по всей кабине.

– Ни о чем я не догадывался. Это вышло как-то само собой, – честно признался Марк. – Мне просто повезло.

– Везение – это следствие тщательной подготовки. Так говаривал майор Жерес. – в голосе Николая слышалась

неприкрытая грусть.

– Я помню...

Память Грабовского воскресила черты их погибшего командира. Жерес глядел на него и как будто оценивал профессиональную пригодность своего молодого офицера. Под этим взглядом Марк съежился и как загнанная в угол крыса начал суетиться, ища выход из очередного тупика в который снова угодили «головорезы».

– Мы должны провести разведку. Вдруг в этой пещере нас подкарауливают другие неприятные сюрпризы, – лейтенант огляделся по сторонам в поисках своей автоматической винтовки.

– Твой FAMAS вместе со шлемом и другим барахлом, которое мы не додумались закрепить, валяется возле машинного отсека. Если включишь, наконец, соображалку, то поймешь, что палуба наклонена именно в эту сторону. – Мастер взглядом указал нужное направление. – Только не вздумай играть в ковбоев. Кроме нас пятерых в туннеле больше никого нет, уж можешь мне поверить.

Выбравшись наружу, Грабовский понял почему они покидали планетоход через аварийный выход. Вместе с тяжелой машиной в подземелье грохнулся обширный участок свода. Несколько крупных обломков угодили под носовую часть, аккуратно туда, где располагался входной люк. Парой увесистых кулаков они поддали планетоходу под челюсть, отчего машина воздела свою морду высоко вверх, как будто с тос-

кой глядя на кусочек чистого голубого неба. Для того, чтобы открыть главный люк, модуль следовало как минимум освободить от этого застывшего в камне апперкота.

Однако, ничего такого делать уже не имело смысла. Стальной диск намертво застрял в каменном плену. Для движения такой негабаритной штуковины, как планетоход, в туннеле оказалось слишком узко. Поднять же на поверхность двести тонн не сможет никакой тормозной двигатель, даже если бы он и был исправен.

– Везет нам, как утопленникам, – голос Микульского звучал откуда-то из темноты, которая начиналась уже в нескольких метрах от покосившейся машины. – Как ни одно, так другое.

– Не гневи Бога, Ян, – по интонации Луизы можно было подумать, что это почтенная мамаша поучает своего беспутного шалопая. – Второй раз мы падаем, и второй раз у нас все живы и здоровы, а это главное.

– Я бы не делал столь скоропалительных выводов, – еще не видя своих товарищей, Грабовский уже вклинился в разговор. Неуклюже переползая с камня на камень, он пробирался к тому месту, откуда звучали голоса.

– Ты ранен, Марк? – по резвой чечетке шагов лейтенант понял, что девушка бросилась ему навстречу.

– Я сейчас как боксер после двенадцати раундов поединка с танком. Ох, и чем я его только не пинал!

Луиза подхватила Грабовского под руку, и с отнюдь не

женской силой, принялась помогать тому преодолеть каменный завал. Ее хватка ослабела лишь когда под ногами, наконец, почувствовался ровный пол.

Колокольный звон в ушах понемногу стихал. То ли автоматическая аптечка вкатила Марку один из своих чудо-коктейлей, то ли десяти минут, прошедших с момента катастрофы, вполне хватило, чтобы молодой здоровый организм оправился от потрясения. Как бы там ни было, Грабовский постепенно начал восстанавливать свои инстинкты, навыки и привычки разведчика. Остановившись взглядом на Шредере, лейтенант поинтересовался:

– Вы сканировали эту проклятую пещеру?

Вопрос мог адресоваться только Георгу, так как ни Миккульский, ни Луиза не имели боевого обмундирования, и, естественно, были слепы и беспомощны в багровой пыльной мгле подземелья. Однако, Шредер совсем другое дело. Его протонный шлем, насколько Марк мог видеть, пыхтел на полную мощность.

– Ничего особенного, господин лейтенант, – баварец говорил медленно, как видно озвучивая данные сканирования. – Ровный как стрела туннель. В сечении почти правильный квадрат, примерно двадцать на девятнадцать метров. Конца не видать. На пяти километрах сканер, естественно, сдулся.

– Что дал анализ стен?

Продолжая задавать вопросы, Грабовский стал натягивать на голову свой собственный боевой шлем. До этого он вер-

тел его в руках, не решаясь погрузить раскалывающуюся от боли голову в информационное пекло. Но война есть война, и офицер должен быть во всеоружии.

– Очень твердая порода, но химический состав такой же, как и у песка в пустыне. Будем взрывать?

– Металлы? – Грабовский проигнорировал любимый вопрос баварца.

– Металла полно, и почти весь на правой стене. Командир, вы что не видите?

Ну, совсем рассобачился народ! Более чем туманный доклад рядового вызвал у лейтенанта легкое раздражение. Грабовский всегда требовал от подчиненных точных и лаконичных ответов. Но устраивать выволочку не время и не место. Помимо воли взгляд Марка сполз в сторону, туда, где и должна была находиться таинственная металлическая стена. Ничего кроме бурого пыльного марева он не увидел. Разведчик уже хотел опустить бронестекло и включить режим ночного видения, как в мозгу прозвучала мысленная команда: «Внимание! Всем закрыть глаза. Даю свет».

Какой еще свет? Марк не понял приказа Николая. Но Великий Мастер знает что делает. А значит да будет свет!

Два прожектора лениво выдвинулись из морды планетохода и послали в темноту ослепительные желтые лучи. Сначала они врезались в потолок, куда и глядела задранная кверху кабина. Когда, на шершавых кирпично-красных сводах ничего интересного не обнаружилось, Строгов отправил по-

токи света на прогулку по бесконечному туннелю.

На первый взгляд ничего примечательного. Уже привыкший к чудесам инопланетной архитектуры, Грабовский даже почувствовал легкое разочарование. Туннель прогрызли в породе напоминающей красную пористую губку. Но прогрызли, надо сказать, отменно и со знанием дела. Все поверхности казались идеально ровными и гладкими.

Дойдя в своих рассуждениях до этого места, Грабовский вдруг понял, что ошибается. Эту подземную магистраль, скорее всего, выжгли, выплавили. А стало быть, выходит, что стены, потолок, пол, все это песок, такой же песок, как и на поверхности. Его только сплавил, под воздействием адских температур и давления, превратили в камень.

Как только конструкция туннеля перестала интересовать лейтенанта, он тут же переключился на изучения местного, довольно нехитрого оборудования. Где то высоко над головой, напоминая клочья старой рваной паутины, свисали полусгнившие вентиляционные решетки. По одной из стен, чуток повыше лица, тянулся пузатый пыльный монорельс. Глядя на древний тускло отсвечивающий металл, Марку захотелось лечь на пол и упереться ногами в стену. Вот тогда все будет правильно. Вот тогда ощущения от скоростной подземки станут привычными и понятными, а так... Ну, скажите на милость, разве поезда ездят по стенам?

– Меня можешь не спрашивать. Я не знаю ответа на этот вопрос. – Строгов подошел сзади быстро и бесшумно, слов-

но призрак, что казалось абсолютно невероятным, так как пол покрывал сплошной ковер из битого щебня.

– Ахренеть! Полный идиотизм! И кому только в голову пришла такая дикая идея?

– Чувствую, что в этом мире мы встретим еще много чего странного и непонятного.

Строгов задумчиво уставился в густой мрак подземной магистрали. Грабовский посмотрел туда же. И чем дальше он глядел, тем все более жутко и тревожно становилось на душе. Наверняка это из-за того, что не видно конца туннеля. Хоть все глаза просмотри – одна мгла, из которой всего через мгновение может появиться, что или кто угодно.

– Я же сказал, что в туннеле кроме нас больше никого нет.

– Ну, раз ты так говоришь... – Марк бросил последний, жутко подозрительный взгляд в бесконечную черноту. Конечно, Великий Мастер чувствует энергию живых существ, ну а вот как быть с теми, кто не из плоти и крови? – И что ты скажешь по поводу всего этого дерьма?

– Делишки хуже некуда.

– Спасибо за «свежую» мысль.

– Хотя есть и некоторые плюсы.

– Например?

– Теперь засечь нас с воздуха будет практически невозможно.

– Не понял? Ты что не собираешься выбираться на поверхность? – Марк поежился от могильного холода, ползу-

щего по мрачному подземелью.

– Боишься призраков больше, чем морунгов? – Николай по-дружески улыбнулся. Точно улыбнулся. Хотя половину его лица и скрывала дыхательная маска, но Грабовский видел, как насмешливо сощурились глаза друга.

Разведчик был бы рад улыбнуться в ответ, но не смог. Его терзали сомнения и подозрения.

– Тут что-то не чисто, – Грабовский медленно, словно сканируя мрачное подземное царство, огляделся по сторонам. – Не нравится мне все здесь.

– А поконкретней, – Мастер отправил свой взгляд вслед за взглядом друга.

– Можно и поконкретней, – разведчик сделал два шага в направлении вмонтированного в стену монорельса. Затем протянул руку и стал внимательно ощупывать древний металл. – Туннель, закрытое сухое помещение. Так? Значит, корродирующих факторов в нем никаких... ну, или почти никаких. Согласен?

– И да, и нет, – Великий Мастер подошел к другу. – Ты не учел главный корродирующий фактор – время. А его, между прочим, утекло немало.

– И какое время может сотворить вот такое?

Марк зажег фонарик и осветил им некогда гладкую стальную поверхность. В узком луче света Грабовский мог собственными глазами оценить то, на что лишь намекнул анализатор его протонного боевого шлема. Твердый металл был

сплошь изъеден крохотными оспинами. Складывалось такое впечатление, что целая армия свихнувшихся слесарей вооружилась электродрелями и без усталости дырявила сверхпрочный металл.

– Действительно подозрительное явление, – Мастер загнал свой острый коготь в одну из воронок. – В глубину миллиметров шесть-семь, и это в довольно твердом материале.

– Видать стены эта штука погрызла куда глубже, – голос Микульского заставил офицеров обернуться. – Теперь ясно почему мы провалились. На этом участке туннель совсем гнилой.

– Для того, чтобы это утверждать следует обследовать хотя бы еще метров триста. Вдруг, он весь такой. В этом случае авария никак не связана с одним конкретным местом. – Произнося это, Грабовский поискал глазами Шредера, надеясь именно ему поручить разведку. – Куда, черт побери, запропастился Георг? – широкоплечую фигуру баварца сложно не заметить, однако, именно сейчас она куда-то подевалась.

– Шредер решил обойти планетоход сзади и разузнать что творится с другой стороны завала. Говорит, что не грех заглянуть и в другую часть туннеля. – Ситуацию объяснила Луиза.

«Молодец, что сообразил, но дурак, что поперся в одиночку. Волард только с виду кажется тихим и безопасным. Где-то здесь скрывается смерть, я ее чувствую, как свинья

трюфель».

Не успел Марк подумать об этом, как в трансляторах боевого шлема загремел голос Шредера:

– Обнаружена цель. Удаление тысяча триста метров.

Глава 6

Лагерь землян, да и сам уклад жизни в нем значительно отличался от всего виденного доктором Дэйей ранее. Люди вели себя замкнуто, не собирались в шумные компании, не дискутировали и не обсуждали свои планы и проекты. Они вообще старались без надобности не показываться на открытом воздухе, норовя как можно скорее юркнуть в приземистые замаскированные палатки. Эти сооружения действительно кое-кто называл палатками, но на самом деле они являлись жесткими пластиковыми модулями, форму и окраску которых можно было изменять прямо со встроенной у входа панели управления.

Лагерь расположился в каменистой долине у подножия высоких островерхих скал. Именно поэтому модули сейчас выглядели точь в точь как десяток желто-коричневых валунов, в беспорядке разбросанных в радиусе двадцати метров. Сходство с окружающими скалами казалось просто поразительным. Пару раз оказавшись за пределами охраняемого периметра, Дэя долго моргала глазами, силясь понять, куда же вдруг подевался так хорошо знакомый лагерь. Ранее лурийка не сталкивалась ни с чем подобным. Стоянки всех научных экспедиций, в которых ей доводилось участвовать, светились яркими сигнальными куполами, которые можно было разглядеть даже из космоса.

Стоя на пороге своего модуля, доктор была погружена в раздумья. Она пыталась понять то ли люди все такие странные, то ли дело в том, что обитатели лагеря никто иные как профессиональные военные. Подумать только, военные! Всего год назад это слово употреблялось лишь редкими историками, изучавшими древний, изживший себя анахронизм, под названием война. И вдруг мир изменился, сошел с ума, полетел в тартарары. Война выплеснулась на просторы галактики, словно чудовищная беспощадная эпидемия. От нее нет спасения, от нее погибают целые звездные системы, калечатся судьбы и души. Однако, странный парадокс, не начнись это жуткое смертоубийство, она бы никогда не повстречала Марка.

– Доктор Дэя, вы не очень заняты? Давайте пройдем в палатку. Я хочу с вами поговорить.

Знакомый голос вывел женщину из задумчивости. Отто приближался со стороны штабного модуля. Под мышкой у него был зажат плоский портативный слит земного производства.

– Очень тактичный способ вновь запихнуть меня внутрь, – Дэя кисло улыбнулась.

– И это тоже, – землянин не стал лукавить. – Не стоит забывать об осторожности. Сверху мы все как на ладони.

Жилой модуль был тесным круглым в периметре помещением. Высота его лишь ненамного превышала рост лурийки, от чего той постоянно казалось, что потолок это вовсе не

потолок, а гладкая поверхность огромного поршня. Каждый взгляд вверх заставлял Дэю вздрагивать. Чудилось, что вот-вот безжалостный пресс перейдет в движение и сплющит ее в лепешку.

– Вас что-то беспокоит? – Отто изучающее буравил ее взглядом.

– Этот модуль... Он давит на меня, вызывает приступы клаустрофобии.

Отто беспомощно пожал плечами, но прежде чем он успел что-либо ответить, Дэя продолжила:

– Я все понимаю, не возмущаюсь и ничего не требую. Вы и так предоставили мне наилучшие условия. У меня тут личные апартаменты, в то время как вы и ваши люди ютитесь по шесть человек в одной палатке.

– Они солдаты, им не привыкать, а я... – Отто многозначительно улыбнулся, – а я пытаюсь быть их достойным.

Лурийка в очередной раз подивилась землянам. Почему-то они всегда пытаются быть похожими на соплеменников в военной униформе. Самые известные имена в истории Земли это люди, пролившие больше всего крови – монархи, диктаторы и полководцы. Самые известные события – войны и революции. Самая передовая техника – орудия убийств и разрушения. Вот и сейчас, две тысячи лет спокойствия и мира оборвала новая война, и опять, как всегда, у истоков ее стоят люди.

Инопланетянке стало как-то уж очень неуютно. Она ощу-

тила себя маленькой беззащитной девочкой, попавшей в мир непонятных непредсказуемых дикарей. И пусть ее нынешние спутники называют себя повстанцами, пусть твердят, что пытаются остановить войну, пусть предлагают свою дружбу и защиту, но даже среди них Дэя все равно не чувствовала себя в безопасности. На свете существует лишь один-единственный землянин, которому она может безгранично доверять, но... но Марк сейчас очень и очень далеко. Дэя тяжело вздохнула.

– Все нормально? – От Отто не ускользнула напряженность женщины.

– Я в порядке. – Доктор взяла себя в руки. – О чем вы хотели со мной поговорить?

– Три дня... С момента боя прошло уже целых три дня. Погибли не только «Новая Невада» и «Призрак», погиб еще и крейсер гвардейцев.

– Вы намекаете, что в город прекратится доставка пленных?

– Именно.

– Ну вот и прекрасно. Разумные существа перестанут умирать, а морунги передохнут с голоду.

– Морунги, естественно, необычайно ценные создания, но если бы дело было только в них! Вы же знаете, существует нечто иное... – Отто весь передернулся, как будто у него кольнуло сердце. – Боюсь, что город ждут страшные времена. Чтобы протянуть до прихода резервного транспортника,

Верховная Лига не пощадит простых жителей Амарилло.

От слов землянина Дэю пронзил приступ ледяного ужаса. Она словно своими глазами увидела огромные серые контейнеры. Они пусты, пусты почти все. Из последнего смрадно воняющего модуля охранники выволакивают несколько полуживых грязных существ. Два фалийца, эктон и харририанин. Их волокут по узким тускло освещенным коридорам и, в конце концов, вталкивают в примитивный медицинский блок. Зловещий отблеск металла на инструментах и хирургических машинах. Одетые в медицинские скафандры люди, кидают узников на стальные столы, кидают бесцеремонно, как мусор, как подопытных животных. Хруст зажимов намертво блокирующих извивающиеся тела. Несчастных не усыпляют, зачем тратить время и медикаменты. Запищал лазерный скальпель, послышались крики безвинно приговоренных... а затем тишина, рабочая тишина скотобойни. В спецконтейнер один за другим шмякают четыре грубо извлеченных мозга. Окровавленные тела транспортная лента медленно уволокивает в загоны, где содержатся морунги. Настал черед их пира. Жизненная энергия каждой клеточки будет выпита, высосана до дна. И тогда обезглавленные, мумифицировавшиеся трупы будут брошены в камеры сжигания отходов. Но время не стоит на месте. Правителям «Архангела» нужны новые жертвы и тогда... тогда темными ночами зловещие призраки выйдут на улицы спящего города.

– Откуда такая жестокость? – От страха и отвращения Дэя

чуть не потеряла сознание. – Неужели человечество столь кровожадно?!

– История Земли знает превеликое множество страшных событий: войны, стихийные бедствия, эпидемии. Но никогда, вы слышите, никогда людей не приносили в жертву с такой легкостью. Это ненормально, это противоестественно.

– Все когда-нибудь случается в первый раз, – лурийка пролепетала одними губами.

– По-вашему мы эволюционируем далеко не в лучшую сторону?

Дэя промолчала.

– Нет, тут что-то не так, тут что-то не чисто. Я чувствую... – в глазах землянина светилась неподдельная вера в свои слова. – Присядем. – Лидер сопротивления, а то, что после разгрома повстанцев Отто автоматически стал главарем оппозиции, Дэя не сомневалась, указал на расположенные у стены откидные стол и два стула.

Отто первым плюхнулся на жесткое пластиковое сидение, поставил слит на столик и начал его активировать. Женщина села напротив. Она еще продолжала нервно подрагивать, но в мозгу уже возрождалось любопытство истинного исследователя и ученого.

– Дэя, вы могли бы рассказать мне о том вирусе? – Отто задал вопрос, не дожидаясь пока слит полностью загрузится.

У лурийки неприятно занемели руки – явный признак волнения или даже страха. Да, она зря поведала «головоре-

зам» об одном из самых охраняемых секретов Совета. Либо Микульский, либо Мартинес все-таки разболтали. И теперь тайна уже совсем не тайна. О ней знают многие, быть может о ней знают даже жестокие правители «Архангела».

– Дэя, сейчас не время играть в благородство, сейчас время думать и действовать, – Отто угадал мысли доктора. – Да, я почти уверен, что недуг, поразивший членов Совета Галактического Союза, имеет что-то общее с нашей проблемой. И там и здесь речь идет об использовании в качестве сырья клеток мозга гуманоидных существ. И там и здесь в центре событий оказались самые высокие чины. И там и здесь события окутывает ореол сверхсекретности. Нужно быть полным идиотом, чтобы не заметить такие подозрительные совпадения.

Видя, что Дэя все еще колеблется, Отто нанес последний сокрушительный удар:

– Доктор, очнитесь. Допустим, вы считаете нас садистами, зверски умерщвляющих других разумных существ, но а ваши то правители... Из кого они добывают свой дьявольский экстракт жизни? Скажете из пленных землян? Скажете зуб за зуб, глаз за глаз! Но вирус то появился задолго до войны. Чьи высокоорганизованные мозги шли на изготовление вакцины тогда? – землянин замолчал, давая лурийке возможность сделать правильный вывод.

– Я не работала с вирусом. До меня лишь доходили слухи. – Дэя сдалась.

– Но вы ведь опытный врач и ученый, один из лучших в галактике. У вас должно быть собственное мнение по этому вопросу.

– С помощью современных методов возможно уничтожить любой из вирусов. Введенные в организм нанороботы, обнаружат их в любой из тканей, втянут в себя и сожгут. Никакие медикаменты не нужны, и говорить об их эффективности или неэффективности просто нет смысла. Значит...

– Значит ваших руководителей, а возможно и наших, пожирает что-то другое. Мутации клеток? Нарушение чувствительности нейронов? Сбой в биохимических процессах мозга?

– Вы медик? – Дэя удивленно посмотрела на землянина.

– К сожалению нет. Я юрист. Однако не хотелось выглядеть полным идиотом при разговоре с вами. Пришлось загрузиться кое-какой информацией. Подшивка Британского медицинского журнала за последние два года. – Отто слегка смутился и пожал плечами. – Это все, что удалось найти в нашей скудной базе данных.

– Вот-вот, бесконечные загрузки информации, – погруженная в раздумье лурийка смотрела в пустоту. – Это вторая причина, которая, по мнению специалистов, может вызвать разрушение мозга.

– Существуют профессии, обладатели которых вынуждены перезагружаться или догружаться чуть ли не каждый месяц. – Возразил Отто. – И ничего с ними не случается. Я зна-

вал программистов и инженеров, которые выходили на пенсию без малейших нервных расстройств.

– Сколько же лет было этим пенсионерам?

– Лет по семьдесят, я думаю.

– Семьдесят... – Дэя снисходительно улыбнулась. – Самому молодому члену Совета триста двадцать общегалактических лет. Представляете, тот объем информации, который он пропустил через себя за всю жизнь? Количество выпавших на его долю загрузок несравнимо больше чем у всех ваших знакомых вместе взятых.

– Н-н-да... – Отто как-то таинственно улыбнулся и задумчиво протянул. – Наши из Лиги тоже... язык не поворачивается назвать их современниками.

Несколько минут собеседники сидели молча, переваривая полученную друг от друга информацию. Дэя пыталась вспомнить что-нибудь еще, а Отто, обладая цепким изворотливым умом акулы с Уолстрит, принялся изыскивать нестандартные подходы к решению проблемы. Кое-что ему удалось:

– Доктор, а если мы зайдем с другой стороны? Подумаем не о самой болезни, а о лекарстве. Давайте допустим, что земная вакцина полностью идентична препарату, который получили фармацевты Галактического Союза. Этим допущением мы намного упрощаем себе задачу. Теперь и ваша и моя информация будет характеризовать одно и то же вещество.

– Логично, – Дэя кивнула, между делом удивившись, как легко она переняла жесты и мимику землян.

– Ну, тогда ваш черед. – Столкнув процесс с мертвой точки, Отто заслужено решил передохнуть. – Что за штуковину могли изобрести ваши гении от меицины?

– Я даже не представляю, в каком направлении двигаться, от чего отталкиваться. – Дэя развела руками. Так делал Марк, и жест этот у него означал полную растерянность.

– Как это не представляете?! Да если подумать, у нас полно информации! Я уже даже завел отдельную базу данных, чтобы не дай бог ничего не забыть.

С этими словами Отто развернул к лурийке светящийся плоский экран. На белом фоне раскинулась черная, словно многоногое насекомое, схема. Каждая лапка заканчивалась надписью, заключенной в прямоугольную рамку. Дэя узнавала каждую из букв, но прочесть слова так и не смогла.

– Не похоже на французский или английский, – она перевела взгляд на собеседника.

– Это логично, я не француз, – Отто устало улыбнулся. – Это немецкий, мой родной язык.

– Да, конечно, я слыхала, что на Земле царит жуткое многоязычье. Наверняка это значительно затрудняет контакты между различными этническими группами.

– Вы даже представить себе не можете как затрудняет. Но есть другая сторона медали. Языковые барьеры стимулируют развитие личности. Человек, овладевший хотя бы одним

иностранным языком, сразу поднимается на новую ступеньку в социальной лестнице.

– Разве это так сложно?

– Заметьте, «овладевший», а не «загрузивший». Это две разные вещи. Ну, а вообще-то, я совсем не против технических новинок. – Отто мягко положил руку на биоконтактор слита. – Одно прикосновение и чудо готово.

Тут же экран моргнул, заменив все немецкие словосочетания фразами на общегалактическом интерлеви.

Дэя с благодарностью кивнула и принялась читать. Землянин помогал ей своими пояснениями.

– Обратите внимание, доктор, под номером один я расположил тот факт, что таинственный препарат возможно изготовить только из нейронов высокоразвитых гуманоидов. Важная информация. Надо подумать, что она нам дает. Чем мои или, скажем, ваши мозги отличаются от мозга наших меньших братьев?

– Очень сложный вопрос, – лурийка призадумалась.

– Как? Ваша продвинутая наука до сих пор не разобралась в этом вопросе? – Отто был искренне удивлен.

– Конечно же разобралась, но дело не в этом. Главное выделить то направление, в котором работали создатели чудо вакцины, – встретившись глазами с землянином, Дэя исправила, – страшной вакцины.

При этих словах оба они непроизвольно поежились. Собеседникам показалось, что раскаленный скальпель робота-хи-

пурга уже занесен над их беззащитными головами. Мужчина первым взял себя в руки:

– Начнем с самого примитивного подхода. Мозг гуманоида хорошо развит, имеет большую массу. Это нам что-нибудь дает? Может, каких-то веществ в нем вырабатывается гораздо больше, чем у других божиих тварей?

– Не то. – Дэя отрицательно замотала головой. – Если бы дело было лишь в этом, то в качестве доноров мог бы использоваться кто угодно. Ну, подумаешь, на Амарилло доставлялось бы не пятьдесят контейнеров с пленными, а сто с земными обезьянами или сто двадцать с зудийскими кеннами. Затраты слегка возрастут, зато в случае утечки информации общественное мнение останется не потревоженным.

– Кстати, о количестве! Этот пункт у меня стоит под номером два. – Отто ткнул пальцем в экран. – Вам не кажется, что объем живого материала немного великоват? Пятьдесят контейнеров, в каждом по семьдесят-восемьдесят гуманоидов. Четыре сотни живых душ в неделю для врачевания всего двенадцати человек. Это уж слишком!

– По доходившим до меня слухам препарат быстро выводится, – доктор смутилась под ироничным взглядом землянина. – Ну, или его синтезируется слишком мало.

– Или потребляется слишком много, – вставил Отто.

– Может и так. И что вся эта информация нам дает?

– Пока не знаю, но следует предположить, что эту штуку применяют ежедневно, а возможно и по несколько раз в день.

Во время разговора рука землянина цепко держала разъем биоконтактора. Все результаты их научно-исследовательской беседы мгновенно сгружались в слит. Умная машина без промедления анализировала, дополняла и систематизировала данные передающиеся из мозга своего владельца.

– Вернемся к первому вопросу. Компьютер указывает, что выводы по нему так и остались не сформулированными. Ему нужен четкий список различий между гуманоидным мозгом и мозгом животного. – Отто уставился на лурийку. – Ну же, Дэя, что их различает?

– Разум, – доктор ответила не задумываясь.

– Разум это понятие философское, и лекарства из него не приготовишь.

– Как сказать, – лурийка снисходительно улыбнулась. – Учеными Галактического Союза уже давно обнаружены некие биологические соединения, которые получили название когеры. – Доктор помедлила, вспоминая земной аналог понятия когер. – Белки! У вас они называются белками.

Отто кивнул, давая понять, что это слово ему знакомо.

– Прекрасно, – женщина продолжила, – когеры группы «Д» встречаются только в нейронах гуманоидов. Удивительный факт, гены, кодирующие этот белок, присутствуют у многих живых организмов, но у них они словно спят, не проявляя никакого интереса к образованию белков.

– И что, благодаря этим самым белкам мы и способны соображать? – в глазах главного повстанца мелькнуло недове-

рие.

– Процесс продуктивного мышления, естественно, очень сложен и многогранен, но без когеров «Д» группы невозможен. Наблюдая за внешним миром или размышляя, мы как бы раним клетки головного мозга. Рана может затянуться без следа и в этом случае рано или поздно вся информация сотрется. Именно так и происходит у животных. Но если клетка использует имеющийся у нее «Д»-белок как строительный материал, то на месте повреждения образуется уплотнение или нарост. Это и есть наши мысли, знания, воспоминания.

– Да уж... – Отто задумчиво уставился в стену. – Везде и всегда шрамы несут с собой воспоминания. – Произнося эти слова, человек непроизвольно тер рукой грудь.

Бип! Бип! Бип! Слит землянина издал тоненький чирикающий звук.

– О! – Отто бодро встрепенулся. – У этой жестянки появилось собственное мнение по интересующему нас вопросу. Интересно? Лично я за последний час ни на шаг не приблизился к разгадке тайны.

– Часто увидеть главное нам мешают обычные эмоции. Машины бесстрастны, они оперируют лишь фактами. Наверняка и ваш слит профильтровал всю нашу болтовню и выудил из нее информацию, объединенную общим признаком.

– Интересно, что это за признак, – Отто одним пальцем щелкнул по биоконтактору. – Ну, давай, показывай!

Во весь экран вспыхнуло лишь одно слово, написанное красными жирными буквами.

– «ПИЩА» – прочитали Отто и Дэя в один голос.

– Это что же получается, – доктор не верила своим глазам. – Нет никакой болезни! Мозг просто питается, причем питается отдельно от всего остального организма?!

Лурийка не успела развить так поразившую ее мысль. Настенный коммуникатор замигал зеленым огоньком и из него послышался голос дежурного офицера.

– Извините, доктор Дэя, господин Майер у вас?

– Слушаю, – за лурийку ответил Отто.

– Господин Майер, к лагерю приближается разведывательный модуль с «Новой Невады». Все идентификационные коды приняты и подтверждены.

– Сейчас иду, – Отто прервал связь и обратился к Дэе. – Доктор, подумайте обо всем этом хорошенько. Я только встречу вновь прибывших и мы продолжим.

Женщина ничего не ответила, а лишь кивнула. Она так глубоко ушла в раздумья, что даже не обратила внимания на последние слова землянина, тем более, что адресовались они не ей лично. Руководитель повстанцев пробубнил, разговаривая сам с собой:

– Разведывательный модуль... Странно... Не знал, что на грузовом транспорте имелись разведывательные модули.

Глава 7

– Энергетическая активность ноль. Температура – на уровне окружающей среды. Радиоактивность лишь на одну сотую выше окружающего фона. Короче, ничего особенного, железака железякой. – Ожидая прибытия своих товарищей, Георг Шредер провел дистанционное сканирование. Рядовой знал службу. Командир получит исчерпывающую информацию об объекте.

– Скорее всего, это поезд. Что же еще может находиться в подземном транспортном туннеле?

Услышав голос Великого Мастера, Георг обернулся и по-сигналил фонариком. Волордийский день близился к закату. На планету спустились сумерки, а стало быть, от пролома в потолке теперь не было ровным счетом никакого проку. В подземелье словно липкая тягучая масса хлынула кромешная тьма. Света прожекторов в этой части туннеля практически не было видно. Дискообразное тело планетохода закрыло каменную штольню огромной плотной пробкой. Но Николай не замечал темноты. Мутировавшие глаза одинаково хорошо видели как днем, так и ночью. Именно поэтому Мастер первым подоспел к рядовому.

– Наверное, вы правы, господин лейтенант, – по растянутым фразам солдата Николай понял, что тот изучает объект при максимальном увеличении. Благо, протонный бое-

вой шлем предоставлял такую возможность. – Только странный он какой-то. Низкий. Как будто состоит из одних грузовых платформ. И вся эта громадина каким-то образом ухитряется висеть на стене.

– Сейчас разберемся, – Строгов решил подождать Луизу, Марка и Микульского. Преодолевая каменный завал, они значительно подотстали. – Пойдем все вместе. Нас слишком мало, чтобы расплыть силы, пять человек и всего три винтовки.

– На, вот... держи, – подойдя, Грабовский, отстегнул кобуру со своим трофейным «Глоком». – Предпочитаю, чтобы ко всем твоим многочисленным достоинствам, добавился еще и талант стрелка. Кстати, тут есть еще одна запасная обойма.

Они шли плотной группой, буквально цепляя друг друга плечами. С военной точки зрения – полный дилетантизм. В такую крупную мишень грех не попасть. Длинная очередь скосит всех разом. Однако, дать команду разойтись у Мастера не поворачивался язык. Темнота и выползший из дальних потаенных закутков сознания страх заставляли людей жаться друг к другу.

– Ты чувствуешь это? – Луиза, шагавшая справа от Николая схватила его за руку. – На этом месте что-то произошло. Что-то ужасное.

– Откуда ты знаешь? – Строгов очень сомневался, что эхо от событий тысячелетней давности могло до сих пор бродить

по мрачному подземелью.

– Мне чудится... – Луиза осеклась. Ее дыхание стало глубоким и частым словно в туннеле начал заканчиваться кислород. – Голоса... Они говорят со мной. Стонут и молят о помощи. Они здесь, в этих стенах, в этой пыли на полу.

С Луизой начало твориться что-то неладное. Николай не узнавал свою подругу. Она без колебаний отправилась в космос, мужественно и стойко переносила тяготы космической войны, гибель «Новой Невады», смертельно опасную посадку, безысходность пустыни... И, вдруг, сломалась? От чего? От темноты? Нет, все не так просто. Сунув пистолет за пояс, Николай притянул к себе девушку.

– Ты устала, тебе просто привиделось. Возьми себя в руки. Доверься мне, и все пройдет.

Мастер не раздумывая кинулся в глубины сознания Луизы. Сейчас он согреет и успокоит ее. Но как бы не так! Строгов с разгону ухнул в бездонную глубину густого ледяного сумрака, который словно смог северного мегаполиса окутал душу насмерть перепуганной девушки. Господи, боже мой, Великий Мастер знал эту мглу! Во время поединка с гвардейским крейсером он почувствовал ее в первый раз. Строгов навсегда запомнил ту встречу. Тогда тьма явилась в облике черной бесконечной реки, сейчас же она изменила свою личину и стремится утопить Луизу в объятиях непроглядного ядовитого тумана. Враждебность, которую нес в себе эта потусторонняя материя, казалась столь очевидной, что пер-

вым желанием Николая было – немедленно разорвать контакт. Но разве может он бросить Луизу в плену этого кошмара?

Корсиканку переполнял ужас. Ее мозг молил о помощи и защите. Николай должен был помочь. Он мог помочь, однако, медлил. Холодный разум Мастера возобладал над чувствами человека. Если сейчас они потеряют связь с этим неведомым миром, то утратится возможность понять. А понять следует. И не только ради Луизы, а ради них всех. Луиза чистая и непорочная душа, но сила, таящаяся в ней, воистину безгранична. И не дай бог, если эта сила выйдет из-под контроля.

Стараясь не поддаваться страху, Строгов пытался соотносить четко и логически. Что происходит с Луизой? Что в ее сознании ассоциируется с черной рекой или туманом? Конечно же, энергия. Враждебное, чуждое живой материи энергетическое поле. Но поле не существует само по себе, оно должно иметь свой источник, ну или если поверить в существование независимой чистой энергии, то хотя бы катализатор, который и позволяет проявляться ей в том или ином месте. Мастеру с трудом верилось, что здесь, среди красных камней и тысячелетних наносов пыли и песка скрывается источник столь мощной, можно даже сказать вселенской силы, а вот один из катализаторов... почему бы и нет? Это должно быть что-то из нашего, из реального мира.

Николай рассеянным взглядом глянул в бесконечную

даль туннеля. Ничего. При всех своих уникальных способностях Великий Мастер даже не смог сконцентрироваться. Нет, так ничего не выйдет. Он не может одновременно защищать Луизу и искать. Необходимо что-то придумать. На помощь пришла обычная человеческая логика – Всего несколько шагов назад Луиза ничего не чувствовала, и вдруг такая резкая перемена. Значит, причина скрывается где-то здесь, чуть ли не под ногами.

Чтобы проверить свою гипотезу, Великий Мастер поволол едва живую девушку назад.

– Что случилось? Куда вы?! – Грабовский воспринял их отступление, как сигнал опасности и тут же изготовился к бою.

– Ступай за нами. А Шредер и Микульский пусть останутся здесь. – Николай постарался говорить как можно спокойнее. – И расслабьтесь, прямой опасности нет. Пока нет.

Полторы сотни шагов в обратном направлении привели Луизу в норму. Почти привели. Она продолжала всхлипывать и дрожать, однако, это была уже совсем не давешняя истерика.

– Так, Марк, теперь займемся делом. – Великий Мастер не знал, что искать, однако насчет того, как искать у него появилась одна идея. – Вы со Шредером ухитрились сохранить боевые шлемы. Прекрасно. Пришло время их использовать. Свяжитесь друг с другом, синхронизируйте работу слитов и запускайте полную программу по сбору информации. Ты

тут, а Георг там. Меня интересует все, каждая мелочь. Мы должны пропесочить этот туннель вдоль и поперек. Когда закончите работу, сравним результаты. У Шредера должно быть что-то, чего не будет у тебя.

– Сомневаюсь, что причина паники Луизы, может быть зарегистрирована нашими протонными кастрюлями. – Грабовский пожал плечами. – Но можно и попробовать. Чем черт не шутит!

– Вы уж постарайтесь, – Строгов промямлил это чисто автоматически, так как у Луизы начался новый приступ. На этот раз приступ бешенства.

– Зачем?! Зачем ты это сделал? – девушка вырвалась из рук Великого Мастера и попяtilась назад в темноту, словно ища там спасения от своего мучителя.

Вопрос уж больно пространный, но Николай все понял. Он тысячу раз задавал себе его, но не находил ответа. А какой тут может быть ответ? Спросите у молнии, спалившей дотла дом, в котором мирно спали ни в чем не повинные люди. Спросите у водителя грузовика, размазавшего старушку по скользкой дороге. Единственное, что можно процедить сквозь плотно стиснутые зубы это – «так вышло». Строгов вновь пережил те страшные минуты, когда он умирал в смертоносных объятиях Лабиринта. Тогда Николай бессознательно цеплялся за жизнь, просил о помощи. И в целой вселенной нашлось лишь одно существо, ответившее на эту мольбу – Луиза. Лучше бы она отказалась! Лучше бы он здох

там, в мрачных глубинах Агавы!

– Мы закончили.

Грабовский был отделен от внешнего мира тонированным бронестеклом своего боевого шлема. Он едва успевал переваривать получаемую информацию, и поэтому, естественно, не обратил внимания ни на ярость Луизы, ни на каменное оцепенение Николая.

– Что-нибудь есть? – У Строгова замерло сердце. Может сейчас он найдет ключ к разгадке страшной тайны и тогда...

– Ни хрена нет. Все показатели один к одному. Единственное различие – количество пыли. Здесь ее совсем немного, а у Шредера там, словно пылесос выпотрошили.

– Пыль? – Николай призадумался. – Что за пыль? Делали анализ?

– Я исследовал ее лично.

Марк деловито засопел, и Великому Мастеру не составило труда понять, что его друг опростоволосился. Он лишь сейчас спешно вводит команду на дистанционное сканирование грунта.

– Металлические опилки это. – Грабовский очень обрадовался, что на экспресс-анализ ушло всего три секунды. – Обычные опилки, без всяких там извращений.

«Нет, металлические опилки это не то, что могло воздействовать на Луизу. – Строгов лихорадочно искал ответ. – Должно быть что-то еще. Что-то, что способно нести биологический код. Иначе откуда голоса? Не слышит же Луиза

шепот камней, в самом-то деле!»

– Любимый прости, – слова девушки прозвучали тихо и подавленно. – Если бы ты знал, какой это ужас...

– Я знаю.

Николай не посмел вновь обнять свою подругу. Сейчас пугающая внешность Великого Мастера ставала мерзким дополнением к его не менее мерзкому поступку. Луизу могло покоробить от такого отвратного коктейля. Однако, что сделано, то сделано. Жизнь идет вперед, и они не должны катиться по ней как осенние листья, подгоняемые холодным ветром. Они сильные и мужественные люди, они сами творят свою судьбу.

– Мы попробуем еще раз, – Строгов протянул Луизе руку, совсем по-мужски, как своему компаньону. – На этот раз ты знаешь, что ждет там, впереди. Попробуй справиться с этим. Ты должна научиться, если не контролировать это, то хотя бы блокировать. Иначе... – Николай помедлил, стараясь подобрать слова, которые не столько напугают, сколько пробудят твердость и решимость. – Иначе ты утонешь в этой черной реке.

Словно почувствовав холод мрачного потока, Луиза судорожно вцепилась в протянутую руку.

– Вот и молодец. – Мастер втолкнул в тело корсиканки порядочную порцию своей жизненной силы. – Я верю в тебя. Ты справишься.

– Может кто-нибудь объяснит, что, черт побери, здесь

происходит? – Грабовский мужественно терпевший статус подсобного рабочего, наконец, не выдержал. – Что мы, в конце концов, ищем?

– Что-то, что недоступно ни тебе, ни мне. Что-то, что подсознательно чувствует лишь одна Луиза. – Строгов тяжело вздохнул. – Это сложно объяснить.

– Понятно. Опять эти ваши сверхъестественные штучки.

– Если ты заметил, то все, чем мы занимаемся последний год, нельзя назвать ни чем иным, как сверхъестественными штучками.

– Похоже на то, – Марк согласно кивнул. – А теперь-то что будем делать?

– А теперь вперед. Только очень медленно. Следи за изменениями показателей. Если заметишь что-либо аномальное, не забудь предупредить.

Путь вперед лежал по уже проторенной дороге. Они шли по своим собственным следам, которые четкими черными кляксами выделялись на пыльном полу. Далеко впереди маячили два малиново-красных силуэта. Именно в них ночное зрение Великого Мастера превратило Шредера и Миккульского. Так, с прикрытием полный порядок – сзади завал, впереди стволы двух опытных бойцов. Неожиданностей ждать неоткуда. Строгов мог спокойно сосредоточиться на чувствах Луизы.

Вроде бы все нормально, но Николай не мог отделаться от ощущения, что во время их первого дефиле он что-то про-

пустил. На что-то смотрел, но не увидел и не понял. Гнидное чувство! Не хочется оказаться ротозеем, и прошляпить какую-нибудь очень важную вещь. Отобрав у своей возлюбленной фонарик, Николай стал внимательно осматривать пол. Ночное зрение конечно хорошая штука, но оно никак не сравниться с дневным.

Как маятник луч света колыхался от стены к стене. Строгов старался не пропустить ни одного сантиметра.

– Слой пыли начинает резко возрастать, – проинформировал Грабовский.

– Я чувствую приближение этого... – простонала девушка.

«Ага, значит, все таки наносы пыли как-то связаны с ощущениями Луизы. Или они следствия одних и тех же событий или...»

Николай не успел развить свою мысль. Он замер, натолкнувшись глазами на небольшую прямоугольную вмятину в толстой пылевой перине. Ничего особенного, обычное уплотнение. Единственное, что казалось подозрительным, это уж очень правильная форма.

– Марк, ты видишь? – Великий Мастер использовал луч как указку.

– Не только вижу, а уже запускаю программу поиска и анализа. – Марк замолчал буквально на секунду. – Еще два десятка таких же сегментов спрессованной пыли сканер обнаружил по направлению к объекту, который мы условно на-

зываем «поездом». Вмятины расположены в шахматном порядке с интервалами три метра.

– Неужели шагоход!?! – Грозный облик «Сахая-47» всплыл в памяти его бывшего пилота.

– Ну не Гулливер же! – по интонации Грабовского стало понятно, что он читает данные, выдаваемые слитом боевого шлема. – Судя по спрессованности пыли, машина весила около четырех тонн. Давление на ступню распределялось неравномерно. Имеются углубления с одного из краев. Из чего следует...

– Из чего следует, что были когти, зацепы или что-то в этом роде. – Строгов не дал Марку поинтриговать своим открытием. – А из этого в свою очередь вытекает, что машина была предназначена для внешних работ на нестабильных грунтах. И самый последний вывод... – Николаю очень не хотелось это говорить, но от правды никуда не денешься. – Какого хрена машина для наружных работ делала в подземном туннеле?

– Делала что-то очень конкретное, так как находилась она здесь именно в тот самый момент, когда и оседала эта металлическая пыль. – Марк присел над следом стальной ноги. – Отпечатки не четкие потому что сверху их тоже порядком припорошило. Шагоход убрался восвояси, а тут все падал и падал металлический снег.

«Одна загадка за другой. Слава богу, что хоть здесь нет ничего сверхъестественного. Это тебе не видения Луизы». –

Николай встрепенулся, вспомнив о своей подруге. Последние несколько минут все его мысли занимал лишь таинственный шагочод. Он перестал помогать бедной девушке.

Один взгляд на Луизу поведал Великому Мастеру о многом. Она борется. Борется как со своим страхом, так и с силами, находящимися за пределами ее понимания. Насколько Николай понял, натиск на сознание Луизы еще не очень велик. Но кто знает, что произойдет через мгновение? Так что его помощь просто необходима.

Возобновить астральный контакт оказалось нелегко. Ощутить темную энергию самостоятельно Николай не мог, а Луиза, сопротивляясь враждебным силам, возвела в своем подсознании целый высокий волнорез. Напоровшись на него, Строгов помимо воли улыбнулся. Молодец, хоть чему-то уже научилась. Плохо лишь, что это укрепление из сыпучего песка. Защищает от брызг, но не устоит даже перед легкой волной.

Стараясь не причинить любимой боль, Николай пробился сквозь оборонительный бастион и тихо, словно дуновение весеннего ветра, позвал: «Луиза, это я. Впусти меня в свой мозг». Девушка вздрогнула, но продолжала защищаться – неумело и примитивно, но стойко и можно даже сказать ожесточенно.

«Это действительно я, – Великий Мастер хорошо знал свою работу. Он сотни раз контактировал с другими живыми существами и ни разу не получал отказа. – Почувствуй

мою энергию. Она горячая и светлая. Это энергия жизни».

Это был ни приказ, а просьба, слова не властителя, а друга. И Луиза повиновалась. В первое мгновение как это ни странно Строгов ощутил настоящую радость. Чувство обладания родным существом зашвырнуло его на самую вершину блаженства. Луиза никогда не отдавалась под его власть по своей воле. Обстоятельства постоянно вынуждали Николая грубо вторгаться в ее сознание и вершить судьбу девушки по своему мнению и усмотрению. Но сейчас они вместе. Они сплелись душами, словно любовники телами и разорвать этот союз не под силу никому, даже самой смерти.

Воспоминания о костлявой старухе отрезвили Великого Мастера. Да, конечно, сейчас они с Луизой вместе, однако, поддаваться эйфории не время и не место. У них есть работа.

«Перестань сопротивляться этому. Ты тратишь силы впустую. Расслабься. Теперь за дело возьмусь я».

Корсиканка колебалась, словно не доверяя словам Мастера.

«Ну же...» – Николай вынужден был слегка подтолкнуть девушку к правильному поступку. И наконец, она решилась...

Когда мутный кисель, из которого состоял оборонительный редут Луизы рассеялся, Строгов вмиг очутился лицом к лицу с тем, что вначале воспринимал как черную реку. Нет, это не река. Река была там, в космосе, а сейчас перед ним простиралось вязкое засасывающее болото. Из мрака подни-

мались какие-то неясные тени. Извиваясь, они тянулись к ним с Луизой, то ли грозя, то ли моля о помощи. Для Строгов все увиденное представлялось черно-белым немым кино. Именно немым. В этом мире он был лишь зрителем. Весь же ужас и мрак этого жуткого места предназначался Луизе. Что значит предназначался? Николай прислушался к своим чувствам, как прислушивается слепец, бредущий по незнакомой улице. Мгла стремится поглотить еще одну живую душу? Нет. Великий Мастер знал, с какой жадностью вакуум смерти набрасывается на крупницы тепла и света. Сейчас все обстоит совершенно по-другому. Зловещие тени лишь пугают девушку, однако, пугают не потому, что стремятся к этому. Просто такова уж их природа. Они такие, как они есть – чуждые жизни и свету, и другими быть не могут. Но что им надо от Луизы. Что или кто для них Луиза?

– Мы на месте. Мы прямо возле этой груды металлолома. – Голос Шредера больно ударил по обнаженным нейронам Строгова. Георг докладывал по внутренней связи. Информация предназначалась для ушей Грабовского, однако, Великий Мастер контролировал все.

«Я должен видеть эту машину!»

Николай раздвоился между параллельными мирами. Силой своего подсознания он продолжал сдерживать наступление черных призраков и одновременно с этим силился взглянуть на реальный мир глазами Шредера.

Изувеченная стальная конструкция ржавой змеей выполз-

ла из темноты. Хищник словно притаился где-то в скалах, и оттуда, сверху выслеживал свою жертву. Да, это действительно скоростной подземный поезд или вернее то, что от него осталось. А осталось совсем немного. На изъеденном швеллере монорельса висели лишь две цепочки опорно-тяговых сфер, одна сверху, другая снизу. Метровые стальные шары с двух сторон сдавливали некогда гладкий металл магистрали, превращая состав в единый полукилометровый шарикоподшипник. Кроме крепления стальных сфер гидравлических амортизаторов и главных несущих рам практически ничего не уцелело. Корпуса вагонов, как и вся их начинка бесследно исчезли словно их никогда и не бывало.

– Интересная картина получается, – Николай услышал Микульского, который по щиколотку в пыли брел вдоль мертвого состава. Разведчик то и дело освещал фонариком какой-нибудь узел и внимательно к нему присматривался. – Уцелели лишь те части машины, которые были покрыты какой-то странной синеватой кашей. Смазка, что ли? Все остальное как напильником сточили.

– Учитывая сколько здесь опилок, так оно и было, – Ладонью, одетой в черную пластиковую перчатку, Шредер зачерпнул пригоршню серого порошка. Он крепко сжал пальцы в кулак, тем самым прижимая частички пыли к датчикам штатного анализатора наружной среды. – Посмотрим, нет ли здесь чего-нибудь подозрительного, а то Грабовский меня со света сживет, если что-либо провороню.

Ждать долго не пришлось. Уже через несколько секунд по бронестеклу, точно напротив левого глаза рядового поползли цифры. Мастер видел их не хуже самого Георга. Те же самые железо, никель, титан... Ух ты! А вот и новость! Всевидящий протонный слит раскопал элемент, не имеющий никакого отношения к металлам. Соли кальция. Процент довольно внушительный – примерно пятая часть. И вот еще сюрприз... Николай до боли закусил губу. Компьютер безапелляционно причислил эти соединения к органическим останкам живых организмов.

В голове Строгова словно прогремел гром. Все встало на свои места, все связалось в одну единую целостную цепочку. Поезда существуют, чтобы возить пассажиров. И если гибнет поезд, гибнут и несчастные, которых угораздило оказаться в нем. Вот что имела ввиду Луиза. Вот та трагедия, что произошла на этом месте. Но как она узнала? Николай задал себе вопрос, на который существовал всего один единственный ответ – Луиза видит и слышит мертвых.

Глава 8

Корсиканцы сидели на колючих жестких камнях под самой мордой вставшего на дыбы планетохода. Они молча жевали пресные брикеты аварийного сухпайка. Разговор как-то не клеился. Может, из-за того, что все вымотались до чертиков, а, может, всему виной был густой непроглядный мрак, который напелзал на людей из глубины древнего туннеля. Прожектора пришлось погасить. Их свет бил из провала так же ярко, как фонтаны раскаленной лавы из жерла только что пробудившегося вулкана. Засечь такой фейерверк – плевое дело. А в том, что морунги продолжают поиски и ночью, никто даже не сомневался.

Отказавшись от мощных ламп, «головорезам» пришлось довольствоваться светом небольшого ручного фонаря, который при полной мощности и самом широком рабочем секторе освещал не более пяти-шести квадратных метров.

От желтого света и скользящих по стенам неясных теней Марку казалось, что он сидит у огня. Нет, это не походило на один из тех коротких привалов, которыми солдаты балуют свои уставшие измученные тела. Неясное желтое свечение скорее напоминало биение скаутского костра из далекого-предалекого детства. Отец всегда хотел чтобы Марк рос настоящим мужчиной. Отсюда и школа айкидо, и уроки верховой езды, и изматывающие многодневные походы.

Воспоминания об Александре Грабовском причинили Марку нестерпимую боль. Ох, отец-отец, где же ты сейчас? Жив ли? Все те разрозненные и во многом противоречивые слухи, которые время от времени доходили до скитавшегося по галактике наследника славной семьи, достоверно свидетельствовали лишь об одном – война круто зацепила его старика. И в этом был повинен лишь один человек – сам Марк. Кто как не он втравил отца в эту галактическую бойню.

«Не казни себя, – от зазвучавшего в глубине мозга голоса Грабовский вздрогнул. – Все происходит так, как ему на роду написано».

«Ты стал верить в судьбу?» – разведчик решил не нарушать царившую тишину и также задал вопрос мысленно.

«В судьбу? Я бы ей богу не против! Только вот вряд ли получится. Русская закалка не позволит. У нас опустить руки и отправиться плыть по течению означает верную погибель».

«Почему это?»

«Водка дешевая».

«А-а-а, понимаю».

Марк улыбнулся. Он вдруг подумал, что со стороны их разговор выглядит весьма странно. Два человека переглядываются и гримасничают, а иногда даже что-то шепчут. Вернее шепчет только он, так как лица Великого Мастера почти не видно. Как у героев старых вестернов оно наполовину упрятано под поблескивающий черный металлопласт. Но странное дело, даже, несмотря на маску, Марк понял, что

видит, а, может, представляет губы друга. Плотно сжатые, с опущенными уголками, они выражают досаду и неуверенность, горечь и сожаление. Без сомнения все эти эмоции адресовались именно ему.

«Ник, ты что-то знаешь или подозреваешь?»

«О чем ты?»

«Об отце».

– Марк, давай пройдемся.

Великий Мастер поднялся на ноги. Потрепав Луизу по волосам, он двинулся в глубину туннеля. Как приговоренный Грабовский поплелся следом. Темнота подступала со всех сторон. И разведчик уже собирался надеть свой боевой шлем, как вдруг туннель осветил неяркий зеленоватый свет. Огонек горел в руках у Николая.

– Вот, нашел в одном из ящиков, – Строгов показал пару, лежащих на ладони, переломленных, люминесцентных стержня. – Света они все равно особо не дают. Так... баловство одно. Разве что ступеньки в темных подъездах подсвечивать, хотя ключом в замочную скважину врядли попадешь.

Марк промолчал. Зеленоватый свет нагонял тоску, такую же зеленую и беспросветную. На душе скреблись кошки. Прошрое казалось глупым и несуразным, а с некоторого момента даже отвратительным и мерзким. Сперва в дело пошла его ДНК, так что кровожадные твари под названием охотники могут смело именовать Марка Грабовского ни кем иным,

как папочкой. Затем родной дядюшка хотел уकोкошить любимого племянника. А вот теперь грязная тень подозрения легла еще и на отца.

– Я не утверждал, что твой отец принял сторону «Архангела», – Строгов бесшумной тенью шел рядом.

– Значит, мне показалось? – Грабовский повернул голову и пристально глянул на друга.

– Вероятность, конечно, имеется, но пока это не факт, – Николай тяжело вздохнул. Мембраны на его дыхательной маске издали звук, похожий на конский храп. – Но если Александр Грабовский действительно на Воларде и не хочет со мной контактировать, то как прикажешь это понимать?

– А разве не может оказаться, что он в плену? Что испугался мысленного прикосновения, сочтя его эффектом от действия галлюциногенов? Ты ведь знаешь, какую дрянь применяют во время допросов!

– Все может быть.

Строгов согласился очень легко. Очевидно ему нетерпелось закрыть скользкую и абсолютно бесполезную сейчас тему. Грабовскому тяжело было это признать, но на месте Николая он бы поспорил, да еще как поспорил! Ведь были еще и газетные статьи, и слова дяди Джона...

– Завтра предстоит трудный день, – Мастер не хотел более измываться над другом.

– Напекаешь, что мы зря тратим силы и время на пустые разговоры? Лучше отправиться на боковую?

– Силы... – Николай словно расслышал лишь одно это слово. Он несколько секунд молча глядел в темноту, а затем, резко обернувшись, принялся без стеснения изучать лицо Марка. – Как твой нос? Мне показалось, что ты его сломал.

– Мне тоже так показалось, – Грабовский ощупал опухшую переносицу. – Вроде ничего, твердый. Аптечка вколола какую-то гадость...

– Не думаю, чтобы медикаменты, пусть даже и самые чудодейственные, могли так сильно стимулировать рост хрящей и костной ткани. Ведь с момента аварии прошло всего три часа.

– Туннель обладает целебными свойствами? – Марк не понял куда клонит друг и ляпнул первое, что пришло в голову.

– Не в туннеле дело, – Строгов сделал шаг вперед и, словно наслаждаясь свежим ветром, широко расставил руки. – Сейчас весь Волард дышит великой энергией жизни.

– Ты... ты хочешь сказать...

– Да, второй Источник Жизни не прошел через Волард, как мы предполагали раньше. Он засел где-то на планете или может внутри нее, как пуля застрелит в мешке с песком.

– Выходит мы получили вторую Агаву? – вспоминая все «прелести» мрачной планеты-звезды, Грабовский присвистнул.

– Слава богу, здесь нет кремнийсодержащего газа. А значит морунгам нечего рассчитывать на пополнение своих рядов.

– А из чего-то другого Источник не сможет штамповать плохих ребят, кого-нибудь еще похлещи морунгов?

– Не знаю, – Строгов покопался в воспоминаниях. – На сколько я помню, Дзя говорила, что только кремний способен построить прочные и долговечные молекулярные цепочки.

– Фух, тогда пронесло, – слегка расслабившись, Грабовский уселся на пол, а спиной облокотился о стену. – Садись. Ты всегда говорил, что в ногах правды нет.

Они сидели как в давние времена, плечом к плечу, рука к руке. Товарищи по оружию, друзья, почти братья. Космическая бойня не пощадила обоих. У одного она отняла человеческий облик, у другого семью, карьеру и блестящее будущее. Кто его знает, сполна ли они заплатили дань бесноватому богу войны, или он потребует последний, главный взнос – их жизни.

– Мы должны разыскать источник, – Строгов первый прервал молчание.

– Зачем? Тебе что, не хватило одного раза? – Грабовский решил не смотреть на Николая, иначе взгляд сам собой цеплялся за костную чешую, которая как шлем покрывала голову и часть лица Великого Мастера. На кой черт лишний раз напоминать другу о его горе?

– Лучше это сделаем мы, чем «Архангел». Не сомневайся, они сразу просекут, что Источник на Воларде. Морунги работают как индикаторы. Они перестанут нуждаться в пище

и это тут же заметят. Излучение Источника мигом накормит их всех.

– Ну, найдешь ты его, а дальше что? – Марк представил себе фонтан голубого огня, бьющего в одной из мрачных расщелин. Именно так по рассказам Николая должен был выглядеть легендарный артефакт. – Уничтожить Источник Жизни невозможно, находиться вблизи смертельно опасно. Один выход – оцепить территорию в пару тысяч акров и удерживать ее до прихода подкрепления. Правда, тут один или даже нет, два маленьких нюанса. Если собрать всех беженцев с «Новой Невады» и «Призрака», у нас вряд ли окажется более двухсот человек. И второе – подкрепление ждать неоткуда.

– Все верно, – Строгов острым когтем поскреб по своему бронированному затылку. – А представь себе что будет, если «Архангел» наладит производство морунгов прямо здесь, на Воларде! Газодобывающие месторождения Агавы до сих пор остаются в их руках, да и звездолеты тоже пока не перевелись.

– Тогда остается одно – притаиться и гадить «Архангелу» где и как только можно. Короче партизанская война.

– Хорошая мысль, – Мастер саркастически улыбнулся. – Только и в этом случае расклад остается прежним. Как ты думаешь, сколько времени двести партизан могут противостоять многотысячной армии, оснащенной авиацией и тяжелой бронетехникой? А у нас, если ты не забыл, только стрел-

ковое оружие и весьма скудные припасы.

Марк задумался. Неловко признаваться в этом даже самому себе, но иногда на него накатывала чуть ли не высшая мудрость. Именно в такие мгновения он мысленно восклицал: «Да я просто гений!». Вот и сейчас в голове разведчика что-то щелкнуло, и ответ родился как бы сам собой:

– Этот поезд, – лейтенант ткнул в ту сторону, где ржавел подземный экспресс. – Кто-то его приласкал, и приласкал немилосердно. Выходит, на планете есть оружие, причем довольно мощное. Поезд то был длиной в полкилометра, а остались от него рожки да ножки. Заполучив такую мощную штукювину, мы сможем значительно повысить свою огневую мощь, а, может даже, чем черт не шутит, сравняемся в силах с военным контингентом Амарилло. Вот тогда будет весело. Вот тогда мы с ними поговорим!

Строгов смерил приятеля уважительным взглядом, а затем уставился в пустоту перед собой. Марк не без тщеславия наблюдал за выражением лица друга, на котором читалась недюжинная мыслительная работа. Все-таки, что ни говори, а приятно обскакать самого Великого Мастера. От этой мысли настроение стало стремительно улучшаться. Прошлое уже не выглядело таким уж тусклым, а будущее засветилось интригующими грозowymi зарницами. Все-таки для настоящего мужчины главное это драка! Не важно с кем. С коварными врагами, с глупостью и тупостью несовершенного мира, или просто с самим собой. Вот тогда он живет, тогда

он именуется сильным и мужественным, тогда его уважают и любят.

– Это самое оружие еще следует отыскать, – Николай принял предложение Грабовского. – И желательно, чтобы оно не рассыпалось в прах спустя столько-то лет.

– Шансы есть. Вспомни наши «Сахай». После тысячи лет хранения они работали как часики.

Грабовскому и самому вспомнились грозные боевые шагоходы со странными самурайскими именами «Сахай-47». Привиделись они такими, какими Марк увидел их в первый раз... там, на Эктегусе, на затерянной среди гор, технической площадке двести шесть. Серые двуногие великаны стояли в две шеренги. Хотя смертоносные аннигилирующие излучатели и скрывали колпаки бронированных блистеров, однако принять эти машины за безобидные гражданские механизмы, было просто невозможно. Дух свирепых хищников угадывался в каждой линии, в каждой грани закованных в молекулярную броню тел.

– Волард не Эктегус, и за порядком здесь следят отнюдь не трудолюбивые эктоны, а пыль и песок.

– Можно подумать, что я тебя уговариваю, – Марк справедливо возмутился. Такая замечательная идея, а Николай еще смеет раздумывать!

– Предложение принимается, – Мастер прочитал мысли друга. – Если ты еще не понял, то мы уже приступили к обсуждению деталей.

– Тогда повоюем! – Грабовский протянул руку ладонью вверх.

– И я того же мнения, – Мастер хлопнул по пятерне друга. – Ну, раз мы с тобой такие умные, то сперва должны придумать как выбраться из этой чертовой пустыни. Припасов у нас дней на десять, воды на неделю. Если за это время не доберемся до места, искать это твое таинственное оружие придется уже кому-нибудь другому. Ведь мы к нему потеряем всякий интерес.

– Пешком не выберемся, – после этого вердикта энтузиазм Марка быстро улетучился.

– Это точно. Необходим транспорт.

– А может кликнешь кого-нибудь из наших сотоварищей? Не все же спасательные шлюпки грохнулись на другом конце континента. Наверняка есть и те, кто приземлились сравнительно недалеко от нас.

– Нет, – Строгов сказал, как отрезал. – Те, кого я позову, будут обречены. Не хотел вас пугать, но час назад в сотне километрах к северу прошло звено «Вампиров». Пилотировали морунги. Я их хорошо чувствую.

– Сто километров?! – у Грабовского противно засосало под ложечкой. – Получается мы на самой границе их поиска!

– Так точно, – Николай горько вздохнул. – Откапывались непозволительно долго, да и ползли как черепахи.

Минут пять длилось тягостное молчание. Офицеры должны были отыскать тот самый, единственно верный выход. Не

подышать же здесь, в этом проклятом туннеле, как затравленные в норе кролики.

– Транспорт, который имеется в наличии, это либо планетоход, либо поезд. – Строгов первый нарушил молчание.

– Я не ослышался? Ты серьезно причисляешь эту грудку хлама к транспорту? – Разведчику не пришлось объяснять, что именно он окрестил словом «хлам».

– Не причисляю, а перечисляю то, что чисто теоретически может двигаться.

– Двигаться?! Этот волардийский паровоз? Ты шутишь! – Марк с недоверием поглядел в темноту, как бы пытаясь представить силу, способную сдвинуть с места железную полукилометровую змею.

– Нам не нужен целый состав. От него можно отделить небольшую секцию, – Строгов прикинул в уме. – Шесть точек захвата монорельса должно хватить. Больше оставлять нет смысла, возрастает как масса, так и трение.

– А толкать платформу что будет? – Марк уже давно хотел задать этот вопрос. – Кроме велосипедных педалей на ум больше ничего не приходит.

– Двигатель есть на планетоходе... – Мастер произнес это весьма робко, как будто стесняясь собственной идеи.

– О, Ник, нет! Как бы мы не старались, как бы ни хотели, но реактор перетащить не удастся! А если бы даже и произошло чудо... то что в нем проку? Передавать вращение все равно некуда, колес то у этого инопланетного локомоти-

ва нет, и никогда не было. – Грабовский умолк, удовлетворенный тем, что прозрение пришло именно сейчас, а не после того, когда будет затрачены силы, времени и энергия. – Видишь, значит, затея с поездом с самого начала была тупиковая. Разогнать его может разве что...

Мозг пронзила яркая вспышка. Второе озарение за сегодня! Ощущая как над головой поднимается лавровый венок, Марк вспоминал кадры старой любимой кинокомедии. Железнодорожный переезд. На путях вместо поезда замерла черная, поставленная на колеса ракета. Нарисованная на ней зубастая акуля пасть злорадно ухмыляется. Под стать этой ухмылке, лучезарные улыбки двух пилотов. Затянутые в кожаные летные костюмы они позируют перед объективами фотокамер. Оно и понятно, событие ведь незаурядное! Знаменитый профессор Фэйт, вместе со своим верным помощником, намеривается побить мировой рекорд скорости. И сработало! Марк старался не вспоминать окончание этого смелого эксперимента, его вполне устроила первая стадия – реактивный снаряд пулей помчался по рельсам.

С криком «Нажми кнопку, Макс!» Грабовский кинулся обнимать, душить и пинать своего обалдевшего от неожиданности друга.

– Вы что тут делаете? – Луиза стояла невдалеке и удивленно разглядывала двух барахтающихся у стены приятелей.

– Только не вздумай ревновать, – Марк, а за ним и Строгов живо поднялись на ноги. – Я... вернее мы тут такое при-

думали! – Разведчик глянул в насупленное лицо девушки и тут же осекся. – Но вижу тебе не особо интересно. Так что я, пожалуй, пойду... найду, так сказать, более благодарную аудиторию. А вы здесь потолкуйте.

Луиза проводила Грабовского быстрым взглядом. А по-другому у нее бы просто не вышло. Всего через мгновение зачерненная адаптивным камуфляжем фигура Марка растаяла в темноте. Еще с полминуты были слышны его шаги, но и они вскоре затихли, уступая место едва слышному шелесту туннельных сквозняков.

Луиза поглядела на Николая. Они остались одни. Наконец они остались одни! На полу у ног Строгова лежали два переломанных люминесцентных стержня. Их туманный зеленоватый свет едва рассеивал мрак. Его хватало только лишь, чтобы видеть общие очертания предметов. Разглядеть такую деталь, как человеческое лицо казалось невозможным. Именно поэтому, подойдя к Николаю, девушка протянула руки и коснулась его лба. Крупная твердая чешуя оказалась на ощупь теплой и гладкой. Скользнув по ней, пальцы Луизы опустились ниже. Они на миг заслонили горящие в темноте ярко-синие глаза, а затем нежно, словно поглаживая, прошли по длинным роговым пластинам на переносице. Дальше Луиза продвигаться не пожелала, дальше был мертвый бездушный металлопласт дыхательной маски. Девушка почувствовала его и поспешила перевести свои ладони Николаю

за голову, обнять его за шею, притянуть к себе.

Они долго стояли молча. Просто прижимались друг к другу, просто наслаждались теплотой и покоем. Думать не хотелось ни о плохом, ни о хорошем. Только жить, существовать этим моментом, этим восхитительным мигом.

– Мне сейчас так хорошо, – прошептала девушка. – Мне давно так не было хорошо.

– Да, мне тоже, – в тон ей ответил Николай.

– Многие люди не знают, что такое счастье, а я знаю. Счастье это стоять рядом с тобой в заброшенном старом подzemелье на самом краю галактики.

– Не думаю, что... – начал было Строгов.

– Молчи! Ничего не говори! – перебила его Луиза. – Вы мужчины ничего не знаете, ничего не понимаете в этом.

– Куда уж нам... – согласился Николай, и в голосе его слышалась боль.

Луиза поняла, это была тоска по прошлому. По тому прошлому, где жил Николай Строгов – человек, мужчина, блистательный офицер, при виде которого женские сердца начинали биться часто и гулко. Глупо! Николай не понимает, что для нее он остался прежним. Таким же красивым, нежным, страстным и любимым. А этот его нынешний вид... это словно маскарадный костюм. Николай специально надел его, чтобы завести ее, чтобы девушка ощутила себя хрупкой и беззащитной рабыней огромного, неутомимого в любви зверя.

От этой неожиданно возникшей фантазии Луиза вся задрожала, кожа ее стала влажной, а низ живота стянул томный горячий спазм. Она была как в лихорадке, они позабыла обо всем окружающем, о прошлом, настоящем, будущем. Единственное, чего она сейчас хотела, так чтобы этот монстр взял ее, стиснул в железных объятиях, вонзил в ее бедра свои острые когти, подарил сладостную боль, а вместе с ней невиданные счастье и наслаждение. Он ведь может. Она точно знала, что может.

Пальцы корсиканки тут же скользнули по боевой униформе Строгова и вцепились в застёжку его поясного ремня. Дрожщими от нетерпения пальцами она принялась расстегивать ее. Но Луиза начисто проиграла турнир по раздеванию. Ее одежда первой оказалась на полу. Сильные руки Николая выдернули девушку из грубых космических ботинок, вознесли в небо, а затем развели ноги и мягко усадили ему на бедра.

Строгов несколько секунд просто удерживал ее на весу. Он словно не мог решиться. Его руки горели у нее на ягодицах, да он и сам весь горел. От этого Луизе было хмельно и сладко. Ведь пожар в могучем непобедимом Великом Мастере разожгла она, ни кто-то другой, а именно она! И это только самое начало. Дальше они вместе окунутся в настоящую огненную бурю.

Не желая больше медлить, Луиза обхватила Николая ногами и вжала его в себя. Когда внутрь ее ворвалось сладкое

и ласковое пламя, девушка тихо застонала.

Глава 9

«Добро пожаловать во второй день добровольных каторжных работ», – поприветствовал себя лейтенант Марк Грабовский, разбуженный омерзительным пеликаньем таймера. Сигнал долго звучал в гробовой тишине спасательного модуля. Никто из уставших, вымотавшихся людей даже не пошелохнулся, чтобы заткнуть глотку безжалостно-пунктуальному компьютеру. А впрочем нет... На соседнем кресле кто-то заворочался, послышалась крепкая польская брань, а затем вместе с гортанным выдохом «ух!» воздух прорезал свист выпущенного метательного снаряда.

«Только бы не граната», – подумал Грабовский, переводя рачиваясь на другой бок.

Это была не граната, а скорее бомба, если учитывать с каким грохотом эта штука врезалась в приборную панель пульта управления. И, о чудо, электронный сверчок захлебнулся на полуслове. Через мгновение пассажирский отсек планетохода вновь наполняла благословенная тишина.

«Это же надо, попал! – сладко зевнув, лейтенант поудобней подстроил под голову оторванный от кресла подголовник. – Молодец Микульский, моя школа».

– Всем подъем! А то заспались мы что-то сегодня, – властный голос Мастера подействовал не хуже холодного бодрящего душа.

«Н-н-да... Это уже не компьютер. Этого просто так не заткнешь».

«Головорезам» ничего не оставалось, как согласиться с мнением Марка. Отовсюду слышалось чертыханье и робкое шарканье. Именно такие звуки и должны производить живые существа, спросонья ступив на пол, который с креном в сорок градусов убегает из-под ног.

– И почему я не умер маленьким? – Грабовский, кряхтя, уселся на своем неудобном, но все равно таком желанном ложе.

Шутка лейтенанта не нашла поддержки у его соседа, пробудившегося на заднем ряду антиперегрузочных кресел. Куда больше Шредера взволновало отсутствие одного из его космических ботинок.

– Думаю, он валяется под пультом управления, – Микульский виновато взглянул на товарища. – Мне позарез требовалось что-то тяжелое.

– Идиот! – «тепло» поздоровавшись, Георг пополз в указанном направлении.

Пока Марк не торопясь застегивал свой камуфлированный серо-черный комбинезон, на кресло рядом тяжело опустился Строгов.

– Целые сутки угрохали на строительство какой-то убогой примитивной тележки. Я полагал, мы управимся пошустрее.

Грабовский на удивление не испытывал столь пессимистичных чувств. Ведь основным достижением вчерашнего

дня он считал совсем не сооружение какой-то там тележки. Главное, что удалось сделать, так это отремонтировать основной тормозной двигатель. Хвала всевышнему, повреждение оказалось левое. Чтобы обнаружить и устранить его хватило даже их скудного образования. Плазмотрон просачковал при посадке... Ну, ничего, зато сейчас он поработает, еще как поработает!

– Да, ты прав, – Николай согласился. – С чисто техническими проблемами мы кажется справляемся, но вот время... Представь сколько его уйдет на демонтаж и повторную установку плазматрона.

– На установку не так уж и много, а вот насчет демонтажа... – Марк нажал на потайную кнопку боевой униформы, активируя ее многочисленные функции. После того, как на внутренней стороне запястья замигал маленький зеленый глазок, разведчик резво спрыгнул на пол. – Насчет демонтажа я, кажется, кое-что придумал.

В тусклом свете аварийных ламп четырехметровая сигара, одетая в доспехи из толстых обмоток высокочастотного соленоида, выглядела бомбой только что свалившейся с небес, но по счастливой случайности так и не разорвавшейся. И вот на место прибыли саперы. Они словно паутиной оплели ее тонкими, но прочными тросами и бережно спускают вниз, прямо в кузов подогнанного грузовика.

– С блоками это ты хорошо придумал, – Строгов похвалил

друга.

– Это было легко. Если лебедка находится снаружи, а ее услуги позарез необходимы внутри, то спрашивается как выйти из такого затруднительного положения? Возможен лишь один вариант – прорезать дыру в борту, и через систему блоков завести трос, так как это делается в подъемных кранах.

– Никогда бы не подумал, что ты разбираешься в подъемных кранах.

Марк хохотнул:

– У меня в детстве был классный большой конструктор. Помнится, он позволял соорудить даже модель печатного станка.

– Нет, с печатным станком как-нибудь в другой раз, прокламации нам пока не нужны. А сейчас... на вот, принимай.

Строгов послал мысленный приказ Луизе, стоящей возле панели управления лебедкой, и толстый цилиндр замедлил движение. Затем «головорезы» дружно вцепились в широкое обгоревшее сопло и оттянули его в сторону. Продолжая опускаться, плазменный двигатель мягко улегся на подставленную под него тележку.

– Вот, курочка и снесла яичко, – весело пошутил Микульский и отцепил бесполезный теперь трос. – Осталось только докатить его до...

– Тихо! – окрик Великого Мастера заставил всех замереть. Несколько секунд он прислушивался к окружающей тишине,

а затем торопливо приказал. – Бросайте все и ходу отсюда! Живо!

Корсиканцы выскочили из-под брюха планетохода, Николай махнул Луизе, и они все вместе кинулись бежать. Промчавшись метров двадцать, Марк притормозил и с подозрением глянул вверх, туда, где на горячем ветру колыхалась маскировочная сеть. Вчера Строгов приказал закрыть ею провал, который проделал планетоход, провалившись под землю. Маскировка, конечно, отменная, и уже даже опробована в деле, но и она не сработает, окажись плохие парни достаточно близко. Ткань и песок это не одно и то же, ну хоть тресни, не одно и то же! У Марка почему-то противно занемели пальцы. Их следовало немедленно размять. А лучшее упражнение, которое знал лейтенант Грабовский – это сжимание и разжимание спускового крючка. Поддавшись наитию, разведчик начал перетягивать из-за спины свой FAMAS-G3.

– Приближение! – По лицу Николая было видно, что он всеми силами пытается идентифицировать объект.

– На детекторе движения пусто, – Грабовский пощелкал режимами боевого шлема.

– Это не в туннели. Это снаружи и, кстати, уже не так далеко.

Сердце в груди Марка гулко екнуло. По телу пробежала мелкая зудящая дрожь, а сознание начало расслаиваться, словно он распадался на множество независимых и проти-

воречивых «Я». Дьявол, неужели... Марк со страхом узнал накатившее на него ощущение, он почувствовал, он понял кто вновь пришел по их души.

Лейтенант открыл огонь, как только стальная лапа пропорола маскировочную сеть. Разведчик хорошо помнил – чем раньше начнешь стрелять, тем больше у тебя шансов. Трюк «подпустить поближе» здесь не канает. Уж слишком быстрая и свирепая эта тварь – охотник!

Оказавшись под огнем, биомеханический зверь издал визжащий и одновременно яростный вой и, не раздумывая, кинулся вниз. В его мозгу не было страха. Стальные кости выдержат и не такой удар, а надетая на металл живая плоть готова к любой боли. Боль только раззадоривает. Она наполняет охотника злобой, жаждой мести и разрушения. Она словно аперитив перед сладким и желанным блюдом – кровавым бифштексом из тела заклятого врага.

Не успела первая тварь покинуть проем в потолке туннеля, как на ее месте появилась вторая, а затем, путаясь в лохмотьях «Хамелеона», возникла и третья истекающая тягучей ядовитой слюной пасть.

Что ж так хреново! Грабовский зарычал как загнанный в ловушку тигр. На победу в схватке с одним охотником еще можно кое-как рассчитывать, но когда их трое... Человек слишком слаб, чтобы противостоять этим универсальным машинам смерти.

– Сосредоточить огонь на целях «два» и «три»! Прикры-

вайте меня! Ему нельзя дать подняться, – Строгов рванулся вперед словно истребитель, идущий в лобовую атаку.

Что происходит? Кому нельзя дать подняться? Марк не имел возможности ни понять, ни тем более переспросить. Он стрелял без остановки, стрелял, стараясь наделать в огромных телах зверолодей как можно больше дырок. Но что же Николай? Лязг и скрежет заставили лейтенанта оторваться от прицела и на миг опустить взгляд.

Охотник, рискнувший первым сигануть в темное чрево туннеля, никак не ожидал, что вместо горизонтального пола он грохнется на наклоненную крышу планетохода. Стальные когти не смогли как следует зацепиться, и заскользили по гладкому покатуому металлу. Гигант со страшным воем покатился вниз как по ледяной горке. В момент удара о землю к нему и подскочил Великий Мастер.

Господи, что он творит?! Марк по-настоящему испугался за друга. Николай ни секунды не колебаясь прыгнул на грудь опрокинутого на спину монстра. Вонзая двухдюймовые когти в морщинистую серую кожу, Мастер пополз к горлу зверя. Охотник взревел от злости и ненависти. Своими механическими ручищами он попытался сбить невиданного доселе врага. Но не тут-то было! Строгов двигался намного быстрее, точно так же, как тогда, возле завязшей в бархане спасательной шлюпки. Грабовскому показалось, что он больше не видит тела Мастера. Только тень молниеносная, неуловимая и вездесущая.

Когда попытки изловить несносное «насекомое» не увенчались успехом, охотник решил его сбросить. Вскочив на лапы, зверочеловек совершил мощный прыжок. Именно в момент этого прыжка и прогремели выстрелы. «Глок», переведенный в автоматический режим, за считанные мгновения выпустил всю обойму. В упор, прямо в горло беснующейся твари.

Бесспорно очередь из «Глока-18» – штука убойная, но и горлянка у охотника тоже будь здоров. Попробуй, попади в какой-нибудь жизненно важный узел, особенно когда тебя мотыляет как хвост у взбесившейся кобылы. Печально, но Марк оказался прав. Тварь хрипела от боли, плевалась кровавой слюной, но по-прежнему оставалась живой, подвижной и смертельно опасной.

Рев раненного охотника, истерический крик перепуганной Луизы, непрекращающаяся пальба и набатные удары собственного бешено колотящегося сердца оглушили Грабовского. Целую непозволительно долгую секунду он сообщал чтобы такого предпринять. Однако не нашел ничего лучшего, чем самому ринуться в рукопашную. Пусть это глупо, пусть безрассудно, но Марк более не мог безучастно взирать на то, как его лучший друг в одиночку бьется со свирепым чудовищем.

– Получи, гадина! – стараясь отвлечь внимание на себя, лейтенант на бегу выпустил длинную очередь в брюхо охотнику.

«Отставить! Стреляй по верхним. С этим я управлюсь сам».

От мысленного приказа Мастера, разведчик опешил. Как сам? Демонстрация последовала незамедлительно. Марк находился достаточно близко, чтобы все отчетливо разглядеть. В такое невозможно поверить, если конечно не увидишь собственными глазами. Николай размахнулся и со страшной силой ударил когтями в то самое место, куда только что вошли пули. Один рывок и толстая кожа на горле охотника оказалась вспоротой. Вторым ударом Строгов загнал свою мощную руку в зияющую рану глубже, чем по локоть.

Есть! Когда охотник покачнулся Марк понял, что Мастер поразил цель. Биомеханический убийца оседал, как будто из гидравлических амортизаторов в его стальных ногах вытекала рабочая жидкость. Вот она иссякла до капли, и злобный Франкенштейн рухнул на пол, грохоча стальными безжизненными лапами. Только когда чудовище перестало биться, Строгов вырвал руку из его горла. Николай сам выглядел как настоящая рана, залитый с ног до головы алой кровью, в разорванном жилете, края которого завернулись как пласты только что содранной кожи.

– Быстрее! Уходим! – Марк помог другу подняться на ноги. – Сейчас прыгнет следующий.

Следующий не прыгнул, а скорее рухнул с грохотом горного обвала. Грабовский едва поверил в удачу. Охотник падал либо смертельно раненый, либо уже мертвый. Кому-то

из «головорезов» чудесным образом повезло. Плазменные пули поразили мозговой центр, а падение стало лишь тем самым контрольным выстрелом, после которого искусственного монстра можно было окончательно вычеркнуть из списков врагов. Проломленный череп давал на это полное право.

Но в живых еще оставался третий противник. И он совсем не собирался отступать. Охотники хотя и не отличались особым интеллектом, но полными тупицами их тоже не назовешь. Из печального опыта двух своих собратьев зверюга сделала соответствующие выводы. Просто так броситься вниз она не решилась. Необходимо прикрытие. Прикрытием для охотника стала, по меньшей мере, тонна песка, которую тот сгреб в одну большую кучу, а затем столкнул вниз. Скрываясь за завесой красного дождя, биомеханический убийца и появился на поле битвы.

Мог бы и не утруждаться, когда бы знал... Марк с тоской посмотрел на счетчик патронов. Число «10» его как-то совсем не вдохновила. Это все что осталось. У Шредера и Миккульского наверняка не многим больше. Спасаясь с гибнущего звездолета, «головорезы» так и не успели как следует запастись боеприпасами, а это очень и очень зря.

Охотник выпрыгнул из облака кирпично-красной пыли как дьявол из преисподней. Прекрасно ориентируясь в темноте, он точно рассчитал направление броска. Марк спокойно мог распрощаться с жизнью, если бы Строгов не кинулся на пол, ловко подсекая друга. Сверкающие лезвия сталь-

ных когтей со свистом рассекли воздух прямо у них над головами. Упустив добычу, тварь взревела от злости. Смерд, который исходил из разинутой пасти, оказался столь нестерпимым, что разведчик едва не задохнулся. Он инстинктивно попытался отыскать хотя бы глоток свежего воздуха и поднял голову. В это миг их взгляды встретились. Человек и зверь. Серые глаза Грабовского буквально впились в красные зрачки биомеханического существа. Несколько бесконечно долгих секунд они в упор глядели друг на друга, словно загипнотизированные. Может, это и впрямь был гипноз, колдовство или еще бог знает что, однако, Марк снова ощутил то же, что чувствовал во время побоища на Тогоре – охотник не видел в нем врага.

Как же так? Почему? Марк недоумевал. Может быть здесь и кроется причина его небывалого сверхъестественного везения? Практически все «головорезы» мертвы. Его боевые товарищи – суперпрофессионалы и закаленные бойцы. Сотнями уходили они из жизни, а у доблестного лейтенанта Грабовского за все это время ни одной царапины. Неужели... Марк ужаснулся неожиданно накатившей мысли. Неужели его просто не хотят убивать?!

Если охотник и впрямь решил пощадить Грабовского, то насчет Великого Мастера у него были диаметрально противоположные планы. Нестерпимый визг сервомоторов больно резанул по ушам. Зверюга резко развернулась и прыгнула на Николая. Пять тонн искусственного мяса, стальных костей,

механики и автоматики. От такого пресса ни увернуться, ни защититься. Такой удар это верная смерть.

– Ник, нет...!!!

Видя, как на его лучшего друга падает рассвирепевший монстр, Грабовский заорал во всю глотку. Он ничего не мог поделать. Он беспомощен и слаб. Он простой человек и не может тягаться со стихией, воплощенной сейчас в разъяренном звере. Все, что ему под силу, так это потратить десять своих последних зарядов.

Еще до того, как стальные когти коснулись тела Николая, разведчик выстрелил. Он так близко, что промазать просто невозможно. Огненные трассы помчались к голове монстра... но вместо нее прошли пустоту. Охотник был и вдруг испарился. Его словно ветром сдуло, и этот ветер оказался сильнее самого неистового урагана. Чудовище размазало по стене туннеля как жирного, обпившегося кровью клопа. Горячие алые брызги дождем накрыли двух друзей, а промасленные подшипники и шестеренки подкатились к их ногам, словно колесики от ненароком раздавленного детского автомобильчика. Грохот сражения стих. Подземелье вдруг наполнила звенящая нереальная тишина, в которой слышалось лишь тяжелое дыхание людей и легкий треск электрических разрядов, все еще гуляющих по уже мертвому механическому телу.

Казалось, Грабовский первым пришел в себя. По крайней

мере, он первым отреагировал на непонятное сверхъестественное происшествие, причем отреагировал как всегда, с горячностью и жаром истинного южанина. Не понимая что происходит, не зная как ко всему этому относиться, Марк не нашел ничего лучшего, чем наброситься на Строгова:

– Великий Мастер, хренов! Вставай, давай! То за ним никакой дьявол не угонится, а то в самый неподходящий момент разлегся тут, словно беременная на пляже.

Наблюдая за другом, Николай улыбнулся. Нет, все же умеет этот проходимец замечать главное... или это из меня получился никудышный актер.

– В запасе имелось еще, как минимум, пять десятых секунды. Вагон времени, чтобы увернуться самому, а заодно и тебя, героя недоделанного, вытянуть. Так, что можно было и подождать чуток. – Николай ловко поднялся на ноги.

– Подождать?! Чего подождать? – гнев Марка сменился растерянностью.

– Должно было что-то произойти. Луиза не могла просто так, безучастно взирать на нашу смерть.

Все взгляды немедленно устремились на девушку. Смущенная и растерянная она стояла между Микульским и Шредером. Голова вжатая в плечи, пальцы неловко сжимают рукоятку пистолета. Всем своим видом корсиканка как бы говорила: «Сама не знаю, как это у меня вышло».

– Ник, откуда ты мог знать, что Луиза нам поможет? А если бы не помогла?! – Грабовский поочередно косился то

на девушку, то на друга.

– Я видел. Вокруг Луизы образовался плотный силовой жгут. Энергия росла со скоростью шквала и притом в огромном количестве. Луиза копила ее не просто так. Она собиралась ее потратить, и я надеялся, что знаю куда именно.

На мгновение Николай вновь очутился в пылу недавней схватки. Память воскресила все до мелочей. Мастер увидел Луизу. Вот она стоит в окружении беснующегося смерча. Это похоже на пламя, только закрученные в спираль языки черны как дым от горящей смолы. От них исходит неясное синеватое свечение. Иногда темная энергия принимает странные жутковатые формы и тогда чудится, что вокруг хрупкой женской фигурки пляшет целая стая невиданных монстров. Мощностъ энергетических потоков растет. Из газообразной воронка становится плотной. Гигантской анакондой она обвивает тело Луизы. Но вот сумрачная змея переползает на вытянутую вперед руку девушки и молнией срывается с ее пальцев. Затем удар...

– Хорошо, что наша боевая подруга не промазала. – Грабовский словно увидел картинку представшую перед мысленным взором Николая. – Чуток пониже... и со стены пришлось бы соскребать уже Великого-превеликого Мастера и его не менее необъятного друга. Думаю, вдвоем мы растеклись бы квадратов на пять.

– Да... – Микульский почти с детским восхищением рассматривал то, что осталось от охотника. – Силища-то какая!

– Интересно, а почему когда рядом столько дармовой энергии мы должны вручную толкать эту проклятую телегу?

В Шредере заговорила традиционная немецкая практичность и рациональность. Пока все, включая Строгова, находились под эмоциональным кайфом, баварец думал о деле. Вряд ли Георг и впрямь хотел переложить работу по транспортировке двигателя на хрупкие женские плечи. Он просто шутил, шуткой своей, намекая, что не грех бы закончить прерванную работу. А то, глядишь, чего доброго опять нагрянет какая-нибудь нечисть.

Мысль весьма здравая, тем более что Николай уже чувствовал новую волну врагов. Уже близко. И на этот раз среди них не только охотники.

– Пока дотолкаем телегу, пока перегрузим и смонтируем двигатель... – Строгов прикинул необходимое время. – На все про все минимум четыре часа. Не успеваем. Нас настигнут раньше.

– Придется взрывать.

Николай даже не обернулся на голос. Подобное предложение, да еще сделанное с такой поспешностью и вожделием могло исходить лишь от одного человека. Однако, тут Шредер был прав, минирование провала должно сработать. Во-первых это ловушка для непрошенных гостей. Во-вторых – пробка в туннеле. Те, кто придет по их души, не смогут откапать его очень уж быстро. Все они созданы, чтобы убивать. Созидательный труд отнюдь не их амплуа.

– Взрыв должен быть довольно мощным, – согласился Великий Мастер. – Не знаю скольких гадов мы таким способом прикончим, но это не главное. Главное это завал. Чем больше песка и камня сюда рухнут, тем лучше.

– В комплект спецматериалов модуля входит небольшой ящик аммоналовых шашек. Их там штук десять. – Напомнил Георг.

– Мало, – Строгов скептически покачал головой.

– Есть еще одна граната, – Микульский сам скривился от своего предложения.

– Остается сам модуль, – вывод напрашивался сам собой.

– Господин лейтенант, там же реактор, – Шредер вспомнил «прелести» туннеля через который штурмовой отряд Строгова пробрался в разоренный Ульф. Вспомнил и вздрогнул всем телом.

Николай и сам не забыл подкатывающую к горлу тошноту, боль в суставах, вкус металла на губах и пунцовые пятна перед глазами. Да... далеко не всем удалось тогда пережить этот радиоактивный ад.

– Я все понимаю, – Мастер пристальным взглядом обвел своих боевых товарищей. – Но, разве у нас есть другой вариант? Если есть, подскажите. Я внимательно слушаю.

Ответом стала гробовая тишина.

– Ну, вот и выяснили, – Николай поверх голов глянул на обгоревший стальной диск планетохода, который вот уже несколько дней они называли своим домом. – Значит, быть

по сему. Георг, займись... – Строгов перевел взгляд на ба-варца. – Гости к нам пожалуют примерно через час.

Часа как раз хватило, чтобы дотолкать плазменный уско-ритель до заранее отделенной, десятиметровой секции под-земного поезда. Налегая на тяжеленную, издевательски по-скрипывающую тележку, Николай не переставал думать о Луизе. В том, что его возлюбленная обладает потенциалом страшной разрушительной мощи, он только что убедился. Ясно так же, что Луиза пока не в состоянии управлять даро-ванной ей силой. Осталось выяснить самую малость – что это за энергия и почему она так намертво приклеилась к хрупкой девушке. Строгов попытался сложить воедино все те крупи-цы информации, которыми он обладал. А, собственно гово-ря, что такое он знал? Практически ничего. Отдельные об-рывочные сведения, которые сообщили Микульский и Марк, да еще личные наблюдения, сделанные в суматохе бесконеч-ных стычек. Нет, так не годится. Луизой следует заняться всерьез и даже не столько потому, что она – грозное смерто-носное оружие, а потому, что она его женщина, его любовь, его жизнь.

Ну, ничего, вот выберемся из этой передрыги... Николай усмехнулся своим наивным планам. Как только «головоре-зы» выберутся из этой передрыги как пить дать сразу влип-нут в другую, а затем в третью, пятую, десятую.

Худшие опасения Строгова не замедлили подтвердиться. Где-то высоко над головой загрехотали посадочные двигате-

ли. Вряд ли кто-нибудь из «головорезов» слышит их. Тем лучше. Еще минут десять у корсиканцев не будут трястись руки.

Прикрепляя плазматрон к зависшей на стене платформе, Мастер все время поглядывал в сторону, откуда они только что пришли. Вдруг среди преследователей окажется какой-нибудь умник, который смекнет, что покинутый планетоход, в котором на полную катушку пыхтит ядерный реактор – штука подозрительная...

Но нет, не смекнул. Взрыв чуть не сбросил «головорезов» на каменный пол. От него ходуном заходила висящая на монорельсе платформа и гулко загудели кроваво-красные своды. Николаю на мгновение даже показалось, что они перестарались. Учитывая плачевное состояние туннеля, обвал вполне мог докатиться и сюда. Однако, бог миловал. Защитный силовой щит, поставленный поперек туннеля, сдержал ударную волну и летящие вместе с ней камни, песок и пыль. Единственное, что оказалось не по зубам плотному гравитационному полю, так это излучение.

– Марк, что там на счетчике? – Строгов с подозрением глядел в клубящуюся пыльную круговерть за силовым щитом.

– Девяносто ритов.

– Это сколько по-нашему?

– Примерно двести сорок рентген, – в голосе Грабовского послышалось облегчение. – Не так много, могло быть и ху-

же. Однако, это все же не ласковый солнечный ветерок где-нибудь на Ривьере. Для загара многовато.

После этих слов, Марк вдруг бросил работу и начал расстегивать куртку своей боевой униформы.

– Запарился? – Николай краем глаза следил за другом.

Вместо ответа разведчик обратился к Шредеру:

– Ты тоже раздевайся.

– Спасибо, мне и так хорошо, – Георг только приступил к сборке топливной системы и поэтому не хотел отвлекаться.

– Это приказ, рядовой! – лейтенант рявкнул в лучших армейских традициях.

Пока баварец расстегивал магнитные застёжки, Марк подошел к Луизе и как галантный кавалер накинул ей на плечи свой, ставший теперь кирпично-бурым, камуфлированный «пиджачок». Не понимая в чем дело, девушка с подозрением посмотрела сначала на разведчика, а затем перевела взгляд на Николая. Строгов кивнул в знак согласия. Он понял затею друга. Универсальная аптечка, вмонтированная в боевой комбинезон, справится с последствиями такого не небольшого облучения. Грабовский со Шредером наверняка уже получили дозу антиоксидантов, стимуляторов и бог еще знает чего, что в таких случаях полагается по канонам всемогущей инопланетной медицины. А теперь они предлагали поправить здоровье тем, у кого такой униформы, увы, не оказалось.

– Ян, Луиза, одевайтесь. Только в темпе!

Мастер даже не подумал, стать в очередь на лечение к протонному доктору. Он уж как-нибудь справится сам. Сейчас главное совсем другое. Сейчас главное успеть!

Николай смерил взглядом распотрошенное брюхо плазменного двигателя. Пестрящие непонятными маркировками, упакованные в жаростойкие корпуса электронные блоки, лабиринты труб, ребра высокочастотной катушки, паутина экранированных кабелей. Вся эта хрень цепким плющом плотно оплела грузное тело генератора. Спящим зверем плазмотрон покоился в гамаке из стальных небрежно нарезанных полос, которые Микульский одну за другой старательно приваривал к висящей на стене платформе. И вот этого самого зверя они намерены разбудить. Эх-хе-хе... Мастер горько вздохнул. Кто его знает, может их затея не что иное, как жалкая попытка протянуть хоть еще немного. Краткая отсрочка, всего на каких-то несколько часов.

Глава 10

– Просьба пристегнуть привязные ремни, не курить и не вставать с мест пока не погаснут сигнальные таблички, – Грабовский с кислой физиономией покосился на щиток управления, молекулярным скотчем примотанный к наскоро приваренным поручням.

Строгов мигом уловил в словах Марка очень уж наигранные бравурные нотки и согласно кивнул:

– Ага, мне тоже боязно. Так и тянет перекреститься.

Друзья прекрасно поняли друг друга. Расчетов никто не делал, предварительных испытаний не проводил. Все они только в общих чертах разбираются как в плазменных двигателях, так и в инопланетных транспортных системах. Ну что же поделать? Другого выхода нет. Хочешь жить, умей кататься на паровозах с реактивной тягой.

– Значит так, всем внимание! – Великий Мастер дал понять, что момент «Х» настал. – Энергии в батареях как кот наплакал, корпус генератора и сопло охлаждать нечем, водорода всего один баллон. Что скозлит первым неизвестно, поэтому... – Николай поднял кверху указательный палец, оповещающая о переходе к главной части. – Поэтому с ходу даем полную тягу. Скорость будет бешеной. Держитесь руками, ногами, зубами, короче, всем, чем хотите. Сознание терять можно. Блевать запрещаю.

– Разрешите вопрос, – Микульский примостился рядом с Марком, стараясь как можно плотнее вжаться в стальную плиту, которая отделяла двигатель от пассажирской части платформы.

– Если короткий и неглупый, то да.

– А куда мы направляемся?

– Куда? – Строгов хмыкнул и указал когтистым пальцем на уходящий в темноту монорельс. – Я полагаю, что вон в ту сторону.

Это было сложно назвать ездой. Насколько Грабовский помнил, ездой называлось что-то совсем иное. Он закрыл глаза и попытался представить, что несется на своем любимом «Ягуаре» по скоростному автобану. Ни хрена не вышло. Пришлось представлять по-другому. Его любимый «Ягуар» тянет на буксире пассажирский «Боинг», причем темной-претемной ночью и одна из огромных турбин авиалайнера оглушительно ревет прямо перед самым лобовым стеклом. Ну что ж, уже лучше. Только в этой «романтической» фантазии не хватает жуткой тяжести, которая свинцом налила тело, и страха, что вот-вот полыхнет взрыв, и все они отправятся прямиком на тот свет.

Марк не утерпел. С трудом приоткрыв один глаз, покосился на Николая. Сейчас все завит от его друга. Из всех приборов только две кнопки «включить» и «выключить». И лишь Великий Мастер может сказать, где находится та черта, за

которой ускоритель не выдержит.

Зря он подумал обо всем этом. Теперь проклятуший инстинкт самосохранения не только портил жизнь, но и еще до отказа напряг боевой слит. И что получилось – вместо того, чтобы выполнять роль впередсмотрящего, Марк скрупулезно собирает все данные заднего сектора. И на хрена, спрашивается, они сдались? Ведь Грабовский все равно не специалист. Откуда ему знать какие характеристики соответствуют нормальной работе электродугового плазмотрона Р-8D, сконструированного гениями из компании «Ролс-Ройс». Однако, все же кое-какое чутье имеется. И оно почему-то подсказывало, что температура в тысячу шестьсот градусов несколько высоковата для корпуса генератора.

Щелчок, и рев за спиной начал быстро утихать. Сквозь бронестекло своего шлема Марк увидел горящие синим огнем глаза Мастера. Тот подмигнул разведчику и с оптимизмом произнес:

– Я тоже считаю, что тысяча шестьсот это многовато. Кстати, а как тебе понравилось парение под крылом «Боинга»? Жутковато, верно?

– Что? – В мозгу Грабовского забрезжило понимание. – А не ты ли, друг любезный, организовал мне весь этот полет?

– Каюсь, – Строгов стукнул друга в грудь. – Мне нужны были показания твоего слита, а тратить время на объяснения и разговоры не было никакого резона. Да и как мне показалось, еще минуту назад ты абсолютно не был настроен на ра-

бочий лад. Вот и пришлось взять грех на душу.

– Терпеть не могу все эти твои штучки, – Марк фыркнул и надулся.

За время их короткого диалога скорость упала примерно вдвое и с каждой секундой продолжала уменьшаться. Платформа тормозилась, медленно, но уверенно. Вокруг больше не мчалась сплошная красная пелена, в которую шестьсот километров в час превратили стены и своды туннеля. Однако это ничего не изменило. Шершавые багровые камни ничем не примечательней бесформенной размазни. И первое и второе означает, что никуда они пока не доехали, и шут его знает доедут ли вообще.

– Не скрипи, эскулап, – Николай постарался замять пустяковый инцидент. – Дадим двигателю передохнуть и вновь помчимся дальше.

Марк претворился, будто не заметил сделанный навстречу шаг примирения. Игнорируя Строгова, он сделал вид, что разговаривает сам с собой:

– Сколько же это мы отмахали? Около шестисот километров в час и двадцать три минуты езды. Это получается... – Грабовский умолк. Пару секунд он был немее сомой немой рыбы, а затем с раздражением покосился на Мастера. – Слушай, Ник, нужно умножить или делить? Ты ведь знаешь, все эти формулы...

– Да, знаю я тебя, двоечник несчастный, – Строгов укоризненно покачал головой. – Умножай. Хотя я тебе и так ска-

жу, что получается с гулькин нос – чуть более двухсот километров.

– Действительно мало, – разведчик с тоской поглядел в непроглядную темноту туннеля. – Хотя кто его знает, сколько до ближайшей станции. Вдруг она уже за следующим поворотом.

Поворотов на скоростной подземной линии, конечно же, не было. Это Марк ляпнул так, для красоты слога. А что касается станции... то на ближайших пяти километрах ничего подобного не наблюдалось. По крайней мере так утверждал до нельзя скрупулезная система дальнего наблюдения боевого шлема.

Платформа наконец остановилась. Тихо и бесшумно. Наверняка давно почившие жители Воларда знали толк в технике. Их творение хотя «слегка» и потеряло товарный вид, однако спустя тысячи лет продолжало оставаться надежным транспортным средством.

– Все, приехали, – Строгов первым отстегнул привязные ремни и спрыгнул на землю. – Плазмотрон должен остыть. У нас есть как минимум час. Можно размяться. Спускайтесь вниз, вы нужны мне все.

Господи, что еще придумал этот неумный маньяк? Вслед за Николаем разведчик спрыгнул на гладкий чистый пол. Пыли здесь не было, да и сам туннель выглядел значительно поновее. Даже в вентиляционных каналах слышалось легкое гудение свежего ветра, гулявшего где-то по поверхности

красной планеты.

– Господин лейтенант, если не возражаете, могу поспособствовать охлаждению двигателя нашим традиционным способом, – Шредер не спешил прыгать с платформы. – А то уже припекло.

– Это же тебе не ссать в радиатор, как ваша безмозглая штурмовая братия обычно и делала в Африке. – Ян Микульский поддал баварцу так, что тот вынужден был сигануть вниз. – Мы тут не токсикоманы какие-нибудь, чтобы потом это все вдыхать.

Строгов, Грабовский и Луиза переглянулись и негромко рассмеялись. Простодушное предложение Георга воскресило в памяти те, такие уже безвозвратно ушедшие времена, когда их мир был не больше одной маленькой планеты. Где жизнь не всегда была легка, но зато проста и понятна, где они просто жили, радовались каждому новому дню и были счастливы.

Но Великий Мастер не дал человеческим душам раскиснуть в едкой кислоте сентиментальных воспоминаний:

– Повеселились и хватит! Мальчики сзади платформы, девочки спереди. Через пять минут сбор вон там.

Строгов указал на приплюснутый параллелепипед силовой подстанции. В отличие от аналогов, виденных Грабовским на Агаве, блок не стоял возле одной из стен, а распластался на полу, прямо поперек туннеля. До стального ящика их реактивная платформа не докатила каких то метров два-

дцать.

– Время пошло. – Голос Мастера словно подтолкнул корсиканцев в спины. – Пока облегчаетесь, советуя подумать о том, как будем жить дальше.

Ах, вот оно что! Марк облегченно вздохнул. Слава богу, в планы Николая не входят какие-то там «спортивные» мероприятия типа толкания пока еще недееспособного реактивного локомотива. Будем чесать языками. Как это там называется у русских? Партийное собрание, кажется.

– Остряк! – Николай говорил громко, так чтобы его слышали и солдаты. – Я хочу услышать мнение каждого. Одна голова хорошо, а пять лучше. Первым слово предоставляется лейтенанту Грабовскому. Разведка, как всегда, впереди.

– Не могу сказать ничего определенного, – Марк и Николай шагали к месту общего сбора плечом к плечу. – Пока мы просто тупо улепetyваем, так как не можем оказать должного сопротивления. – Грабовский громко хмыкнул. – Да, собственно говоря, не только должного, а вообще никакого сопротивления. У меня... – Он глянул на счетчик винтовки, – у меня осталось всего четыре патрона.

– У меня шестнадцать, – поддакнул своему взводному идущий сзади Микульский.

– А у меня целый магазин, – проинформировал бережливый Шредер.

– Во, слышал? Целый магазин у него! – не оборачиваясь, Марк ткнул пальцем в сторону баварца. – Как раз хватит,

чтобы в случае чего застрелиться самому, и нам грешным помочь достойно покинуть этот бранный мир.

Проблема боеприпасов, вернее их полного отсутствия, занимала мужчин все то время, пока они шагали до назначенного места сбора. Луиза уже поджидала их там. Девушка сидела на гладкой металлической поверхности, с наслаждением вытянув занемевшие от напряжения ноги.

– Я спрашивал о твоих прогнозах на будущее, – Строгов опустил рядом с Луизой и жестом пригласил друга и двух солдат последовать их примеру.

– А... Прогнозы... Вернее планы...

У Грабовского в голове теснилось такое количество планов, что он даже не знал какой выбрать. Однако, как эксперт по безвыходным ситуациям разведчик хорошо знал – правильным обычно оказывается тот путь, который вначале выглядел самым безумным. Итак, какой тут из его проектов лидирует в списке самых головокружительных авантур?

– Мы не должны идти в лагерь, – Марку нелегко дались эти слова. Они ведь означали, что встреча с Дэй откладывается на неопределенный, может даже очень долгий срок. А если учесть, что на войне день приравнивается к трем... У Грабовского больно защемило сердце.

«С ней все будет нормально, – Великий Мастер проявил деликатность и не стал обсуждать сердечные дела друга на людях. – Примерно через пять часов до лагеря доберется первый спасательный модуль. В нем Моришаль и Хризик. Я

поручил им оберегать Дэю».

«Но раз там Хризик, то я могу быть спокойным». – Марк улыбнулся самыми уголками губ. Горькая получилась улыбка.

На это Николай ничего не ответил. Все, что он мог сделать – уже сделано.

– Кто-нибудь хочет высказаться против предложения лейтенанта Грабовского?

Хотя Мастер и обратился ко всем членам команды, но Марк понял, что и решение уже принято, а вопрос, это чистая формальность, ведь неписанные законы наемников полагается чтить.

– Жрать то, что будем? – Георг Шредер не высказался против, а лишь осторожно поинтересовался. – И воды мало. Почти всю в шлюпке оставили. Мы то, с господином лейтенантом, в боевых комбинезонах, нам то пока не горит... А вот все остальные, что пить будут?

– Это несущественные вопросы. – Мастер даже не счел нужным ничего объяснять, а просто пошел дальше. – Кто еще хочет высказаться?

Ни фига себе несущественные вопросы! В животе у лейтенанта предательски заурчало. Как говориться война войной, а обед по расписанию. Это не он сказал, это народная мудрость. Грабовский лишь слегка пожал плечами, отвечая на укоризненный взгляд друга.

– А куда мы пойдем? Если не в лагерь, то куда?

Женский голос прозвучал на удивление сильно и энергично. Услышав его, разведчик почему-то даже не удивился, что проблема «чего бы пожрать» не взволновала их прекрасную компаньонку.

– А пойдем мы заниматься археологией. – Вторая часть плана Грабовского выглядела как насмешка.

– Это шутка? – Луиза насупилась.

– Ни в коем случае, – командир разведвзвода тяжело вздохнул. – Мы пойдем искать то, что уничтожило подземный поезд. – Марк кивнул в сторону платформы, на которой они приехали.

– А зачем? – Луиза вздрогнула и вся напряглась.

– То, что уничтожило его, может уничтожить и наших врагов. На этой планете есть место либо для нас, либо для них. И вместе мы здесь не уживемся.

– Пойди туда, не знаю куда. Найди то, не знаю что. Так что ли, господин лейтенант? – Ян Микульский вопросительно уставился на Великого Мастера. Глядя на поляка, Марк подумал, что Микульский верит в Николая, как в Господа Бога.

Но Строгов не оправдал надежд рядового, и чистосердечно в этом сознался:

– Ты прав, Ян. Мы не ведаем, где и что искать, но если хорошо подумать... – Мастер и в самом деле задумался. – Логически подумать... то кое-какие сведения обязательно найдутся.

Все затихли, потому что «колдовал» самый таинственный маг в галактике.

– Действительно странное оружие. Первый раз вижу чтобы отсутствовали следы хотя бы какого-нибудь, хотя бы незначительного термического воздействия. Ничего похожего на лазеры, излучатели, плазмометы или даже на обычную взрывчатку. А о ядерном или термоядерном взрыве я вообще молчу. Еще более необычная штука эти опилки. Никогда бы не подумал, что это продукты разрушения. – Николай замолчал на мгновение, а затем мрачно добавил, – В том числе разрушения живых существ.

В воздухе повисло гнетущее молчание. Луиза молчала потому, что чувствовала приближение того самого страха, с которым она боролась всего час назад. А «головорезы», повидавшие на своем веку такого, что кровь стынет в жилах, пытались представить себе новую, может быть, самую жуткую мерзость. Но что толку пугливо молчать в тряпочку? От тишины информации не добавится. Кто-то должен был сказать правду. Тот, кто сильнее всех.

– Их всех перетерло живьем, – Строгов смотрел куда-то вдаль, словно воочию видел те жуткие события. – Понятно, за столько лет от мягких тканей не осталось и следа, а вот костный порошок сохранился.

– Представляю, какая здесь бурлила кровавая каша, – задумчиво пробубнил Микульский. Поляк сел на холодную стальную плиту рядом с Луизой. Грабовскому на миг пока-

залось, что у бывалого солдата подкосились ноги.

– Скорее всего, оружие, о котором мы говорим, действует по принципу противометеоритной защиты. Надеюсь, все помнят Ульф? – Грабовский не понаслышке был знаком с беспощадными челюстями силовых полей класса «А-1». Он собственными глазами видел, как они перетирали в пыль скалы, боевые машины и тела «головорезов».

Слова Марка стали первой реальной гипотезой, способной объяснить всю ту чертовщину, которая произошла в туннеле тысячу лет назад. Вроде бы все так, вроде бы все сходится, однако Строгов отрицательно покачал головой.

– Силовые поля непременно перемололи бы и монорельс, и шасси вагонов. А между тем их сдержал какой-то жалкий слой смазки.

– Если уж быть точным, то и монорельс тоже кое-где порядком разъело, а слой смазки не такой уж и тонкий. – Миккульский знал что говорил. Подчиняясь привычке разведчика, он скрупулезно изучил все, что осталось от подземного состава.

– Из этого сам собой вытекает вывод, что оружие накрывает большую площадь, но, выражаясь фигурально, пробивная способность у него никудышная. – Марк взглядом поискал поддержки у Николая.

– Да, – Мастер согласно кивнул. – Высокомолекулярную броню «Сахая-47» вряд ли возьмет.

– Пока не видел здесь ни одного «Сахая», а вот флаеров

противника до фи́га. – Голос подал молчавший до сих пор Георг Шредер. – Если вдруг окажется, что эта штука бьет плотным сгустком, то мы сможем валить их даже на средних высотах.

– Слушайте, братцы, а может это газ? – Собственная версия осенила Микульского. – Какая-нибудь распыленная в воздухе едкая кислота! Тогда понятно почему она не пробилась под смазку. Кислоты ведь разъедают далеко не все.

– Вот умник нашелся! – не стесняясь присутствия дамы, Шредер сплюнул на пол. – А опилки откуда? И дырки еще эти в монорельсе. Точно термиты постарались.

– Термиты говоришь? – Строгов призадумался. – Это что ж за термиты такие, способные прогрызть высоколегированную сталь?

– Значит, зубы у них из того же самого сплава или даже может из чего покруче. – Скорее всего, Шредер и сам не верил в то, что говорил. Так... ляпнул первое, что взбрело в голову.

– Газ, не газ, термиты, не термиты... хватит гадать на кофейной гуще! Когда найдем, вот тогда и узнаем. – Марк Грабовский покосился на самопальную, еще недавно огненную комету, которую взнуздали и оседлали пятеро отчаянных смельчаков... ну, или придурков. Зависит от того, чем вся эта затея закончится. По крайней мере, в настоящий момент они живы, а реактивный снаряд уже не светится от разогрева.

– Ты прав, – Мастер перехватил взгляд друга. – Время

поджимает. Так что, как говорится, свистать всех наверх.

Глава 11

Размеренное покачивание и монотонный негромкий гул двигателя действовали как хорошее снотворное. Да и капитан Огюст Моришаль не очень то сопротивлялся. Он, то проваливался в тяжелое забытие, то возвращался к реальности. И там и здесь капитана окружали одни и те же персонажи. Но все же реальность ему нравилась больше. В ней, по крайней мере, не выли сирены и не гроыхали взрывы. После неистовой космической бойни, тесный мирок спасательной шлюпки казался вершиной надежности и спокойствия. И эти ощущения не могло испортить даже то, что капитан оказался в компании существ, чей облик, мягко говоря, слегка отличался от человеческого. Хотя конечно, чего тут кривить душой, Огюст все же чувствовал некоторый дискомфорт, который складывался из одиночества и полного непонимания того общества, частью которого он оказался. Слава богу, хоть этот здоровенный зеленый ящер, на жилете которого красовались командорские нашивки, довольно сносно говорил по-французски. И где он только этому выучился? Остальные его собратья ведь только поскрипывают да попискивают. А вот Хризик вроде точно так же открывает свою пасть, но совершенно с иным результатом. Человеческие слова так прут из нэйджала, словно он никакой не ящер, а диктор какого-нибудь центрального канала.

Размышляя об инопланетянах, Моришаль тупо уставился в иллюминатор. За толстым стеклом уже третий день подряд маячила одна и та же картина – серый ничем не примечательный металл защитного блистера. Проходя плотные слои атмосферы, модуль балансировал на грани термической безопасности. Не мудрено, что блистеры заклинило так, будто их специально заварили электросваркой. Конечно, стальные плиты можно было вскрыть резаком, но Хризик решил не тратить на это ни драгоценное время, ни заряд единственной плазменной горелки. Освободили лишь лобовое стекло водителя и сразу в путь.

В шлюпке, а вернее в планетоходе, в который после посадки трансформировалась спасательная капсула, их оказалось семеро. Четверо харририан, двое нэйджалов и он сам – искатель приключений с планеты Земля. Прошло меньше недели с того момента, как Огюст первый раз столкнулся с представителями других миров. К харририанам он привык практически сразу. Почему бы и не привыкнуть. Очень даже похожи на людей. Две руки, две ноги, глаза, рот, нос... Э... вот тут то ты брат соврал! Носа у харририан и в помине нет. Землянин скосил глаза на сидевшего рядом механика с далекой Агавы. С двух сторон горло харририанина располосовали дыхательные щели. Когда Моришаль увидел их в первый раз, то подумал, что уж очень похожи на жабры небольшой акулы. Вот и сейчас, сквозь прозрачный пластик универсального дыхательного синтезатора, который стянул

горло харририанина на манер широкого ошейника, «головорез» наблюдал, как вибрируют кожные складки. Они с наслаждением засасывали кислородную смесь, обильно сдобренную приправой из гелия и серы. Это же надо, какой выпендрож выкинула природа! Огюст удивленно покачал головой. Ртом и говорят и едят, как мы, как люди, а вот вдохнуть – слабо. Взгляд капитана поднялся немного выше и вонзился в глаза харририанского механика. Складывалось впечатление, что в лицо инопланетянина росли очки. Такие знаете ли большие, черные «капли», модные где-то в середине восьмидесятых годов прошлого века. Под ними ни хрена не видать. Одна чернильная мгла, такая же непроглядная, как вечная ночь его родной Агавы. От этого постоянно чудится, что харририане что-то скрывают и нарочно прячут глаза.

Инопланетянин словно почувствовал взгляд человека. Закрыв лицо своей трехпалой рукой. Он делал вид, что скребет лысый череп, но на самом деле действительно заслонялся. Моришаль вспомнил, что кто-то из «головорезов» рассказывал: аборигены Агавы очень чувствительны к любому нажиму, пусть даже и выражающемуся в обычном, слегка затянувшемся взгляде.

Ну, что ж, Огюст решил не обострять ситуацию. Он тут же отвел глаза в сторону. Правда, не очень далеко. В тесной спасательной шлюпке просто невозможно смотреть в никуда. Все время натыкаешься на чей-нибудь взгляд. На этот раз землянин попал под прицел больших жабьих глаз командора

Хризика.

– Почему вы не отдыхаете, господин капитан? До лагеря еще три часа сорок семь минут.

Двухсоткилограммовый ящер лежал прямо на полу в проходе между ненавистными ему антиперегрузочными креслами. Дело в том, что при посадке нэйджала пришлось привязывать сразу к двум креслам. Как в последствии признался сам командор, для него это были худшие минуты жизни. Именно с тех самых пор Хризик и невзлюбил земную мебель, предпочитая ей голый решетчатый настил палубы.

– Вы думаете, за три дня я еще не наотдыхался? – Огюст Моришаль поерзал на сетчатой сидухе. – Ох, с каким бы удовольствием я бы сейчас выбрался бы наружу и прогулялся пешком.

– Нельзя. У нас приказ как можно скорее добраться до лагеря, – ящер хотя и лежал на полу, но как-то весь подтянулся и подобрался. – Я обещал Великому Мастеру.

– Я тоже, – Огюст лениво потянулся, да так и застыл с поднятыми вверх руками. – Хризик, а откуда такая точность?

– Это вы о чем?

– Откуда известно, что до лагеря, оставленного «Призраком», три часа, да еще и сорок семь минут? Насколько я помню, нам был известен лишь квадрат поиска.

– Сейчас мы идем по маяку, а значит, имеем точные координаты и направление.

– Какой еще к дьяволу маяк?! – корсиканец решительно

ничего не понимал, но сердце его тревожно екнуло.

– Примерно час назад получен наводящий сигнал из лагеря. Очень кстати. Теперь мы не будем брести вслепую.

– Кто принял сигнал? Почему мне ничего не доложили? – Моришаль чувствовал, как волна беспокойства неудержимо перерастает в цунами.

– Сигнал принял я сам, – в голосе Хризика послышалось раздражение. – Это произошло во время моей вахты, в то самое время когда вы спали. А почему не доложил? Извините, а почему я должен кому-то докладывать? Кто здесь командир? Все должны докладывать мне!

Капитан не нашел что возразить. С точки зрения субординации Хризик прав. Но с другой стороны... нэйджал ни черта не соображает в делах войны. Понятия дезинформация, предательство, засада для него лишь слова из далекого, покрытого пылью веков прошлого. Беспокойство человека каким-то невероятным образом передались двуногому зеленому ящеру, а, может, он и сам кое в чем сомневался. Однако решение принято и Хризик постарался его объяснить:

– Я уверен, что мы ловим именно сигнал «Призрака». У каждого из кораблей с планеты Земля, то есть, с вашей планеты, имеется свой идентификационный код, которым метятся все сообщения. Полученный сигнал я проверил по бортовому слиту, или как у вас... компьютеру. Сомнений нет, он маркирован кодом «Призрака». Правда, немного странно, что координаты, определенные Мастером, и координаты пе-

ленга отличаются почти на восемьдесят ваших земных километров. – Хризик на миг задумался, однако затем вновь обрел уверенность. – Но расхождение ничего не значит. Правильность нового курса подтвердила лично доктор Дэя. Я говорил с ней во время сеанса связи.

Фух! часть груза свалилась с плеч Моришалья. Если лурья подтвердила происхождение сигнала, значит, это не подстава. Однако, как же быть с режимом радиомолчания? Маяк, как и переговоры ничего не стоит засечь. Огюст Моришаль не знал, кого командир «Призрака» оставил в лагере за старшего. Но кого бы ни оставил, это все равно офицер, и не просто офицер, а старший офицер разведки. И что, этот самый супер-пупер профессионал дал такого маху? Не может быть! Как бы переубеждая самого себя, капитан покачал головой. Должно быть тут есть какие-то чисто технические тонкости, о которых Моришально еще не известно.

– Хризик, как вы полагаете, кроме нас кто-то другой может принимать этот сигнал? – капитан резонно решил, что если уж подкованный на все четыре лапы командор не ответит, то остальные товарищи по спасательной шлюпке и по-прежнему ничего знать не могут.

– Исключено, – от возмущения шейный гребень ящера начал подниматься. – Вы думаете, я бы стал контактировать по общему каналу? Нас вызвали по лазерной коммуникационной станции.

Ах, вот оно что! Значит, вызвали нас, а не мы их. «Го-

ловорез» на всякий случай решил запомнить этот факт. Запомнил и тут же двинулся дальше:

– Лазерная станция? А каков радиус действия лазерной станции?

– Откуда я могу знать радиус действия лазерного коммуникатора землян? – Хризик не почувствовал беспокойства, скрытого в словах Моришала. Для нэйджала это была болтовня, с помощью которой пассажиры обычно коротают томительные часы путешествия. Он продолжал валяться на полу, лениво похлопывая хвостом по решетчатому металлу.

– И все же, сколько это может быть? – бывалый солдат не мог себе позволить роскошь беспечного времяпровождения.

– Теоретически дальность действия ограничивается мощностью установки и поглощающими свойствами среды. Ну, и конечно же главное условие – прямая видимость между передатчиком и приемником.

– Сейчас до лагеря около двухсот километров. Ну, а когда вы в первый раз установили контакт, было еще больше. Думаете, на таком расстоянии можно обеспечить прямую видимость?

– А почему нет? Они расположились у подножья небольшого скалистого плато. Если поднять установку хотя бы на триста метров... – Ящер прикрыл свои выпученные жабыи глаза, делая какие-то вычисления. – Да, точно! Учитывая сложность рельефа и кривизну поверхности планеты, триста метров вполне достаточно, что бы мы оказались в зоне до-

сягаемости.

Эксперт высказал свое мнение, и капитану нечего было возразить. Итак, Огюст Моришаль получил ответы на все свои вопросы. Не осталось ни одного скользкого места, внушающего подозрение. И скорее всего следует поблагодарить судьбу... ну, или находчивого начальника лагеря. Без лазерной наводки их планетоход еще долго кружил бы по огромному квадрату. Прочесать его, это вам не шутки, это еще как минимум три, а то и четыре дня изнурительных поисков.

Последующие три часа оказались для землянина настоящей мукой. Наверное, наступил тот предел, когда человеческое тело и человеческие нервы уже не в силах переносить пытку неподвижностью и бездеятельностью. Если бы Моришаль был заключенным, заживо замурованным в каменном мешке карцера, то он почти наверняка кинулся бы голыми руками крушить дверь. И горе тому, кто рискнул бы усмирить взбесившегося «головореза». Однако, пока до тюремной камеры дело не дошло. Все, кто окружают Моришалья – мирные существа, которым ничуть не легче, чем ему самому. Но делать что-то просто необходимо. Болтать с Хризиком? В который раз вспоминать прошлое и гадать что и когда сделано не так? И первое, и второе полностью бесполезное занятие, причем уже порядком поднадоевшее. Пожалуй, есть только одно спасение. Моришаль остановил взгляд на пилотском кресле. Конечно, вахта сейчас не его, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.